

Космический госпиталь

Джеймс Уайт

Окончательный диагноз

1997

Уайт Д.

Окончательный диагноз / Д. Уайт — 1997 — (Космический госпиталь)

Вы больны. Это диагноз. Вы в космическом госпитале. А вот это уже клинический случай. Ваши товарищи по несчастью и соседи по палатам – инопланетные монстры, которым только в кошмарах и сниться. И ведь снятся. Вашим лечением готовы заниматься только врачи– негуманоиды – потому что на кой, спрашивается, землянам лететь черт – те за сколько световых лет, чтобы практиковаться на землянах? Но вы не волнуйтесь. Вы в надежных руках... клешнях, щупальцах или каких еще конечностях. Главное – не думать, какие ошибки могли возникнуть при переводе клятвы Гиппократата на орлигианский или худларианский!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джеймс Уайт

Окончательный диагноз

Глава 1

Препровождая Хьюлитта по туннелю от места парковки корабля до входа в госпиталь, медик-орлигианин помалкивал, и Хьюлитт искренне этому радовался. Он недолюбливал инопланетян, и, если уж приходилось общаться с ними, предпочитал пользоваться устройствами дальней связи, не оборудованными видеоприставками. Не нравился ему и орлигианин. То, как он время от времени шевелил серовато-коричневыми острыми шерстинками, торчавшими из щелей в коже, наводило Хьюлитта на мысль о том, что орлигианин не иначе как весь кишит какими-то паразитами. Как только Хьюлитт и орлигианин вышли из узкого туннеля в просторное помещение приемного покоя, землянин вздохнул с облегчением – наконец-то он сможет отойти подальше от лохматого отвратительного существа.

Около антигравитационных носилок стояло еще одно инопланетное создание и явно ожидало их появления. Это было удивительно крупное существо с массивным туловищем, покоившимся на шести толстых щупальцах, одно из которых обвивала повязка со значками – по всей вероятности, эти значки отражали либо должность, либо личность носителя повязки. Повязка, если можно так выразиться, была единственным одеянием встречающего. Хьюлитт очень порадовался тому, что это существо хотя бы не покрыто шерстью. Правда, отношение встречающего к мерам личной гигиены вызывало у землянина некоторые сомнения: бока существа были забрызганы белесой краской – краска давно уже высохла и теперь шелушилась. Хьюлитт разглядел у великана два впалых, лишенных ресниц глаза, прятанных под толстым слоем роговицы. Больше ничего примечательного в лице встречающего не было – за исключением, пожалуй, выпуклой мембраны на макушке, чем-то напоминавшей петушиный гребень. Как только странное существо шагнуло к Хьюлитту и обратилось к нему, стало ясно, что эта мембрана – орган речи.

– Я ожидаю прибытия пациента-ДБДГ, – проговорило существо. – Вы явно землянин, и ваша физиологическая классификация действительно ДБДГ, но, похоже, у вас нет никаких травм, и вообще вы не выглядите больным. По всей вероятности, я ошиблась, и вы не тот, кого...

– Вы не ошиблись, медсестра, – встрял орлигианин. – Меня зовут хирург-лейтенант Турраг-Мар. Я с грузового корабля Корпуса Мониторов «Тривендар». Нас попросили доставить этого пациента в Главный Госпиталь Сектора. Но теперь мне нужно не мешкая вернуться на корабль. Это пациент Хьюлитт, а вот его история болезни.

– Благодарю вас, доктор, – сказала медсестра, взяла у орлигианина кассету и поместила ее в щель кассетоприемника на пульте управления носилками. – Можете ли сообщить еще какие-либо сведения о пациенте, которые, по вашему мнению, могли бы пригодиться нашим врачам?

Турраг-Мар растерялся, но, немного подумав, ответил:

– Пациент прибыл на борт «Тривендара» шесть дней назад, и за это время в его клиническом состоянии не произошло никаких изменений. Он пребывал таким, каким вы его видите теперь, – то есть в добром здравии. За время перелета у меня сложилось такое впечатление, что, несмотря на все, что рассказано о пациенте в объемистой истории болезни, в его заболевании немалую роль играет психологический компонент.

– Понимаю, доктор, – протянула медсестра. – Однако могу заверить пациента Хьюлитта в том, что, как бы сложны ни были его проблемы, мы постараемся сделать все возможное, чтобы разрешить их.

Турраг-Мар коротко залаял, и транслятор этот лай не перевел.

– Желаю удачи, – членораздельно добавил орлигианин.

– Итак, землянин, – сказала медсестра, когда орлигианин исчез в недрах переходного туннеля, – прошу вас, забирайтесь на носилки и устраивайтесь поудобнее. Я перевезу вас в седьмую палату на двадцать девятом уровне, где вы будете...

– Не собираюсь я никуда забираться. – Из-за злости, неуверенности и неприязни к чудовищному созданию голос его прозвучал громче, чем ему хотелось бы. – Сейчас со мной все в порядке, а уж с моими ногами – точно. Я сам пойду.

– Прошу вас, поверьте мне, ДБДГ, – принялась уговаривать Хьюлитта медсестра, – на носилках вам будет намного удобнее.

– Мне было бы намного удобнее, – огрызнулся Хьюлитт, – если бы вы перестали разговаривать со мной так, словно я – какое-то... существо. Всю дорогу это косматое орлигианское подобие врача только так обо мне и говорило с другими офицерами, а теперь и вы туда же? Я человек, я мужчина, «он», а не «оно». Будьте так добры, запомните это на будущее, медсестра.

Довольно долго медсестра не шевелилась и не произносила ни слова. Затем она проговорила:

– Я знаю, что вы человек и представитель разумного вида. Я прослушала курс лекций по анатомии разных видов и вижу, что вы – взрослая мужская особь, имеющая физиологическую классификацию ДБДГ, то есть человек-землянин, однако я вынуждена продолжать рассматривать вас как «оно» до тех пор, пока какие-либо проявления функции ваших репродуктивных органов и сопутствующие этим проявлениям эндокринные процессы не потребуют от меня учета вашего пола.

Увы, – торопливо добавила медсестра, – идентификация пола разных существ не всегда так легка, как в вашем случае, взять хотя бы меня. Мои сородичи, худлариане, за время жизни способны несколько раз сменить пол. А бывают существа, которым для осуществления размножения требуется более двух полов. Тема эта крайне щепетильна, пациент Хьюлитт, и зачастую неверная идентификация может вызвать у существа раздражение, а представителей некоторых видов даже оскорбить. Полагаю, для вас будет удобнее и естественнее рассматривать любое существо, не принадлежащее к вашему виду, как «оно» – так же, как и мы будем рассматривать вас. А теперь прошу вас, пожалуйста, забирайтесь на носилки.

– У вашего вида что – проблемы со слухом? – заорал Хьюлитт. – Я же ясно выразился: я пойду пешком!

Медсестра промолчала, но чуть-чуть откинулась назад, так что ее чудовищная масса уравнилась на средних и задних щупальцах. А два передних быстро развернулись – Хьюлитт не успел и оглянуться, как одно щупальце обвилось его талию, а другое подхватило его под колени. Он взлетел в воздух и в мгновение ока очутился на носилках. Щупальца держали его крепко, но никаких неприятных ощущений Хьюлитт не испытывал. Он не стал вырываться, поняв, что с этими мягкими на ощупь, но прочными словно сталь щупальцами бороться бесполезно.

За тот краткий миг, что он висел в воздухе, Хьюлитт успел заметить, что обвившие его конечности инопланетянки могут выполнять роль как ног, так и рук. На тыльной поверхности щупалец располагалась загрубевшая костяшка – на нее существо наступало при ходьбе. При этом выступавшие перед костяшкой пальцы отгибались и подворачивались.

Мягкие ремни-крепления обхватили ноги Хьюлитта. С боков носилок выехали половинки прозрачного колпака и совместились. За спиной землянина мгновенно появилась спинка сиденья – она поднималась до тех пор, пока Хьюлитт не принял сидячее положение. «Ладно, – решил он, – по крайней мере я вижу и слышу все, что происходит вокруг».

К носилкам ему не привыкать – на них он вдоволь накался по земным больницам, правда, тогда он не видел ничего, кроме скучнейших белых потолков и стен со светильниками. Ладно, зато сейчас он будет путешествовать сидя.

– Будь то пациенты или сотрудники, – заметила медсестра, ни словом не обмолвившись о том грубом методе, с помощью которого она водворила пациента на носилки, – новички всегда мечтают пройти по коридорам госпиталя пешком. Можете считать, что вам повезло. Вы – пациент, а пациентам, в принципе, тут пешком ходить не дозволено.

– Но я же могу идти! – возразил Хьюлитт, когда носилки мягко тронулись с места и направились к выходу в коридор.

– А большинство поступающих к нам больных, – парировала медсестра, – не могут ни ходить, ни разговаривать, ни даже смотреть по сторонам, ни – тем более – спорить с медсестрами и медбратами. Из-за одного исключения общее правило отменять нельзя.

Носилки остановились около двери. Хьюлитт тут же закрыл глаза. Заставить себя снова открыть их он смог только спустя несколько секунд. Открыл – и ужасно порадовался тому, что его защищает прозрачный, но прочный колпак.

По широкому коридору сновали существа, которые могли привидеться только в самом кошмарном сне. Он с ужасом подумал о том, что некоторые из них непременно приснятся ему сегодня же. Оттого, что изредка на глаза попадались люди, легче не становилось – инопланетяне на их фоне выглядели еще отвратительнее. Некоторых из них отделяли друг от друга несколько ярдов, но чаще чудовища передвигались группами и проскакивали мимо на разной скорости. Попадались массивные создания со множеством щупалец, пугающие одними только своими размерами. Другие вызвали отвращение тошнотворными выростами или слоем слизи, покрывавшей их кошмарные бесформенные тела. Очертания у некоторых существ были настолько невероятные, что Хьюлитт с трудом верил собственным глазам. Навстречу ему, словно гусеница-сороконожка, ползло нечто, заросшее серебристой шерстью, и шерсть эта в такт движениям то собиралась в складки, то расправлялась. Хьюлитт вспомнил, что видел такое существо где-то на картинке и что оно родом с планеты под названием Кельгия.

Мимо протопал слоноподобный гигант на шести ногах, с четырьмя щупальцами и головой, похожей на гигантский неповоротливый купол, – тралтан. На членистых лапах процокал громадный краб с красиво и ярко окрашенным панцирем – и Хьюлитт припомнил, что такие называются мельфианами. Во весь дух промчалось невысокое – вдвое ниже человека – создание, заросшее рыжей курчавой шерстью, – нидианин.

Нидианин легонько коснулся края носилок. Он что-то протягивал медсестре – наверное, обругал за неаккуратное вождение. Медсестра промолчала. Голос нидианина потонул в карканье, чириканье, лае – рядом стоял настоящий гвалт. Видимо, транслятор, установленный на носилках, был оборудован так, что переводил только разговоры медсестры и пациента.

Хьюлитт терпеть не мог, когда не понимал, о чем говорят рядом с ним... «Интересно, – думал он, – обеспечат ли меня мультитранслятором, пока я буду тут валяться? Небось не обеспечат, если медики тут такие же, как те, с которыми я сталкивался на Земле». Те-то точно не желали вводить пациента в курс своих разговоров о нем.

Особенно тогда, когда сами были в чем-то не уверены.

От неприятных воспоминаний о том, сколько раз его безуспешно пользовали на родине, Хьюлитта отвлекло зрелище гигантского металлического танка, мчавшегося прямо на носилки. Хьюлитт указал на танк и крикнул:

– Эй, сестра, как вас там! Сбавьте скорость, проклятие, и сверните в сторону!

Медсестра – ноль эмоций. Металлическое чудовище в последнее мгновение отвернуло в сторону и проскочило в считанных дюймах от носилок. Из-под приоткрытого колпака пахло горячим паром.

– Это защитное передвижное устройство СНЛУ, – пояснила медсестра. – Устройством пользуются привыкшие к условиям высокого притяжения существа, живущие в атмосфере с высоким давлением, изобилующей перегретым паром. Нам ничто не грозило.

Сестра оторвала одно щупальце от пульта управления носилками и, прежде чем продолжить пояснения, указала вперед по коридору.

– Вы, вероятно, уже успели заметить, что попадающиеся вам на глаза существа подразделяются на два четких типа: на тех, кто избегает столкновения с другими, и тех, с кем другие избегают столкновения. Это связано с различиями в занимаемых должностях. Эти различия отражены значками на повязках, размещаемых либо на конечностях, либо на других выступающих частях тела. Эти сведения я вам сообщаю для того, чтобы в дальнейшем вам легче было общаться с персоналом – докторами и медсестрами. Скоро вы научитесь распознавать значки. К примеру, на моей повязке значки говорят о том, что я – медсестра-практикантка. Вы сможете отличать мои значки от тех, которые увидите на повязках Старших сестер, интернов, сотрудников Отделения психологии, Старших врачей и диагностов.

Теоретически, – продолжала медсестра, – сотрудники высшего звена при проходе по коридорам пользуются преимуществом. Но многие полагают, что глупо страдать из-за контузий или более легких травм вследствие слишком буквального выполнения устава. Сотрудники предпочитают, невзирая на должность, уступать дорогу существам массивнее себя. Поэтому мне почти все уступают дорогу. Кроме того, если на носилках находится пациент вроде вас, предположительно нуждающийся в срочном оказании помощи, носилки имеют приоритет в передвижении, невзирая на то что ими управляет сотрудник низшего звена вроде меня.

Немного успокоившись, Хьюлитт стал с большим интересом разглядывать существ, сновавших по коридору, вместо того чтобы непрестанно зажмуриваться при их приближении. «Ко всему на свете можно привыкнуть», – подумал он. Правда, несколько минут спустя ему уже так не казалось.

– Что... что за чудовище только что проскочило мимо нас?

Медсестра ответила только тогда, когда завернула за угол и тот, о ком ее спросил Хьюлитт, скрылся из глаз.

– Это существо, – ответила она, – принадлежит к физиологическому типу ПВСЖ. Это илленсианин, хлородышащее создание. В госпитале илленсиане вынуждены носить защитные оболочки, чтобы не погибнуть в кислородной среде. Эти существа наделены чрезвычайно острым слухом... Хорошо бы вам это запомнить и иметь в виду на будущее.

Хьюлитт не заметил у страшилища ничего, хотя бы смутно напоминавшего уши: он разглядел только мембрано-членистое тельце, похожее на ужасающую коллекцию маслянистых подгнивших растений, переваливающихся с места на место в желтом тумане, заполнявшем тонкую прозрачную оболочку.

– Медсестра, – выдавил Хьюлитт, с трудом сдерживая тошноту, – какое бы там ни назначили мне лечение, я не желаю, чтобы ко мне приближалось нечто подобное!

Речевая мембрана медсестры дрогнула, но транслятор молчал. Наконец медсестра проговорила:

– Через несколько минут мы прибудем в седьмую палату. Видимо, я буду участвовать в вашем лечении, пациент Хьюлитт. Если я могу помочь вам каким-либо советом немедицинского характера, вы только попросите, и я...

– Тут у вас вообще есть люди-врачи? – резко прервал медсестру Хьюлитт. – Я хочу, чтобы меня лечили мои соотечественники.

– В составе медперсонала много землян-ДБДГ, – вздохнула медсестра. – Но может случиться так, что они не захотят заниматься вашим лечением.

От изумления и недоверия Хьюлитт потерял дар речи. Только тогда, когда носилки нырнули в более узкий и не такой запруженный участок коридора, медсестра ответила на вопрос, задать который землянину не позволяла злость.

– Вы забываете, – сказала медсестра, – что у нас универсальный госпиталь. В Галактической Федерации он считается самым большим и самым лучшим. Сюда отбирают лучших из лучших. И существа, прибывающие в госпиталь на работу или на практику с родных планет, стремятся приобрести опыт в области многовидовой терапии и хирургии. Вам должно быть понятно, что никто из сотрудников не возьмется за ваше лечение по своей воле, а только тогда, когда получит соответствующее распоряжение. А распоряжение будет отдано на основании учета особенностей вашего заболевания. Вряд ли врачу-землянину понравится, если окажется, что он проделал такой долгий путь до Главного Госпиталя Сектора только для того, чтобы лечить ДБДГ – ведь их миллионы на Земле, да и на других населенных землянами планетах.

Ваши земные доктора и медсестры хотят работать с разными существами, – продолжала медсестра. – Вы поймете, что это хорошо, поскольку и врач, и сестра всегда с большим вниманием и заботой относятся к больному другого вида, отличного от их собственного. Когда врач и пациент принадлежат к одному и тому же виду, порой могут быть допущены профессиональные небрежности или неверные предположения. Порой важные симптомы прячутся за кажущимся знакомством с физиологией пациента. К счастью, подобные ошибки довольно редки. Но когда лечением пациента ведает врач другого вида, он ни о чем, касающемся своего пациента, не думает как о само собой разумеющемся. Физиологические различия вынуждают врача быть крайне внимательным, и тогда частота клинических ошибок поистине ничтожна. Прошу вас, поверьте мне: вы попадете в очень надежные руки... ну или какие-нибудь еще конечности.

И еще помните, пациент Хьюлитт, – добавила медсестра, когда носилки резко изменили направление и въехали в широкие двери, – для меня вы – инопланетянин, со всеми вытекающими из этого последствиями. Мы прибыли.

Седьмая палата представляла собой просторное, залитое ярким светом помещение. Длина палаты раз в пять превышала ее ширину. По обе стороны от прохода двумя рядами выстроились кровати. В том, что это именно кровати, Хьюлитт ни на секунду не усомнился, хотя форма у них была просто сумасшедшая, размеры – самые разнообразные, а над некоторыми нависало оборудование немыслимого назначения. Между тем одна из кроватей, стоявшая в дальнем конце палаты, вполне подошла бы землянину. Налево от входа располагался сестринский пост и устройство для выдачи питания – их от палаты отделяли прозрачные стенки.

Носилки проехали мимо слишком быстро, и Хьюлитт не успел разглядеть, кто находится на посту.

Из-за того, что сестринский пост и кухня занимали довольно много места, по левой стороне стояло всего восемь кроватей, а у противоположной стены уместилось целых двенадцать. Некоторые из них были отгорожены ширмами. Из-за одной такой ширмы доносились приглушенные бульканья и лай каких-то инопланетян, но совещались ли там медики, или просто кто-то сплетничал – при всем своем желании понять этого без транслятора Хьюлитт не мог. Может быть, там вообще лежал тяжело больной? Но прежде чем Хьюлитт успел открыть рот и спросить, носилки остановились и он был мягко приподнят и опущен на стул около своей кровати.

Указав поочередно на три двери в стене, параллельной кровати, медсестра сообщила:

– За первой дверью располагается кабина для освобождения от физиологических отходов, за второй дверью – ванная. Туда, как и в туалет, ходят больные разных видов. За третьей дверью располагаются туалет и ванная для лежачих больных. Тумбочка около вашей кровати точно такая же, как та, которой вы пользовались на «Тривендаре». Чуть позже сюда принесут ваши личные вещи. Вот кнопка вызова – на тот случай, если вам что-то понадобится. Кроме того, в потолок над кроватью вмонтирована видеокамера. За всеми больными наблю-

дают с сестринского пульта, и если вам потребуется помощь, но вы не в силах будете нажать на кнопку, к вам тут же подойдет медсестра – она видит вас на мониторе. Лампой для чтения вы можете управлять, как вам будет удобно, и свет не будет мешать другим пациентам, когда они отдыхают. Вот здесь у вас плеер, вот здесь – наушники, а это – небольшой видеозэкран, настроенный на внутрибольничный развлекательный канал. Программы, правда, были записаны довольно давно, так что, вероятно, вам не захочется их смотреть – ну, разве что для того, чтобы побыстрее заснуть без снотворного.

Ваша кровать номер восемнадцать, – продолжала пояснения медсестра. – Она стоит наиболее удобно по отношению к туалету и ванной и наиболее удалена от сестринского поста и входной двери. В госпитале существует такое поверье, что чем ближе кровать ко входу, чем ближе до нее докторам и дежурной сестре, тем серьезнее заболевание пациента и тем хуже прогноз. Возможно, в этом смысле расположение вашей кровати вас немного утешит.

А теперь, – торопливо проговорила медсестра, – пациент Хьюлитт, прошу вас, раздевайтесь, наденьте больничную одежду, которая висит у вас на стуле, и побыстрее укладывайтесь в кровать, пока не пришла Старшая медсестра. Я буду рядом. Если понадобится – зовите.

Медсестра отошла в сторону, откатила носилки, из щелей в потолке выехали стенки ширмы.

Хьюлитту показалось, что он ужасно долго держал в руках больничную одежду. Одежда была белая, мягкая, бесформенная и, как всегда, на пару размеров меньше. Хьюлитту не хотелось валяться в кровати в этих тряпках. Ему хотелось посидеть на стуле и хоть недолго полежать чувство собственного достоинства, оставаясь в своей ладно скроенной одежде. Но тут он вспомнил о чудовищной силе медсестры и о ее последней фразе насчет «если понадобится». Что в ней заключалось, в этой фразе? Уж не вежливое ли предупреждение о том, что, если он не разденется сам, его разденут насильно?

Нет уж. Такого удовольствия он этой поганке не доставит.

Забираясь в кровать, Хьюлитт расслышал тихий, скользящий звук, совсем непохожий на звук шагов. Слова, переводимые транслятором, сопровождало крайне неприятное шипение.

– Медсестра, – проговорил кто-то за ширмой. – У вас уже краска осыпается. Побыстрее отдайте мне историю болезни пациента, отчитайтесь и отправляйтесь немедленно в столовую.

– Хорошо, Старшая сестра, – послышался голос медсестры-худлярианки. – Когда медик с корабля «Тривендар», хирург-лейтенант Корпуса Мониторов по имени Турраг-Мар вручил мне историю болезни, он сказал, что за время пути никаких значительных изменений в симптоматике и физическом состоянии пациента Хьюлитта он не отметил, однако высказал предположение о наличии в его заболевании психологического компонента. Единственным подтверждением этого является ярко выраженная ксенофобическая реакция, имевшая у пациента место за время его доставки в палату. Я была готова к тому, что у пациента были крайне редкие – если вообще были – контакты с существами других видов, и понимала, что скорее всего он сильно разволнуется при виде сотрудников, путешествующих по коридорам. Согласно данным мне распоряжениям, я должна была производить доставку больного так, чтобы он имел возможность видеть сотрудников, с тем, чтобы хоть немного подготовить его к более близким контактам с ними в палате. Похоже, пациенту удалось справиться с ксенофобией в отношении всех видов, за исключением одного, который пока представляется ему визуально отталкивающим...

– Благодарю вас, медсестра, – прервал отчет другой голос. – А теперь поторопитесь. Вам немедленно нужно подкрепиться, иначе вы упадете от голода. С этого момента я беру ответственность за пациента на себя.

Стенки ширмы поднялись к потолку и исчезли в щелях. Перед изумленным взором Хьюлитта предстало отвратительнейшее создание. Хьюлитт инстинктивно вжался в подушку, беспомощно пытаясь увеличить расстояние между собой и этой жуткой тварью.

– Ну, как мы себя сегодня чувствуем, пациент Хьюлитт? – сказала жуткая тварь. – Я – Старшая сестра Летвичи, и, как вы уже, по-видимому, заметили, я – илленсианка...

Глава 2

Внутри наполненной хлором оболочки зашевелились толстые, мясистые желто-зеленые листочки. Они развернулись и обнажили две короткие лапки, покрытые чем-то вроде маслянистых волдырей. Страшилище приблизилось к Хьюлитту.

– Не надо бояться, пациент Хьюлитт, – посоветовала Летвичи. – Ближе я к вам не подойду, прикасаться к вам не буду – разве что только в том случае, если возникнет экстренная необходимость. Попробуйте представить себе, как для меня с эстетической точки зрения выглядит ваше тело, покрытое гладкой розовой дряблой кожей, – может быть, от этой мысли вам станет немного легче. Так вот: не пытайтесь продавить спиной стену палаты, у вас все равно это не получится, и послушайте меня. Если вам так будет спокойнее, можете закрыть глаза. Во-первых, когда вы в последний раз принимали пищу? Во-вторых, не чувствуете ли острой потребности освободиться от органических отходов? Отвечайте.

– Х-хорошо, – выдавил Хьюлитт. Он не внял совету медсестры и глаза не закрыл. Наоборот, он пытался заставить себя получше рассмотреть стоявшее перед ним существо. Смотреть в глаза собеседницы он не мог при всем своем желании – он не мог понять, какие из темных влажных выпуклостей в промежутках между маслянистыми листочками и перепонками – глаза. – П-пищу я принимал как раз перед тем, как покинул корабль. А в туалет я не хочу.

– Следовательно, у вас нет причин покидать постель, – заключила сестра. – Поэтому, пожалуйста, оставайтесь в кровати до прихода Старшего врача Медалонта. Он осмотрит вас и вынесет официальное заключение – разрешит вам передвигаться по палате без моей помощи. Примерно часа через три состоится очередной прием пищи. Ваш осмотр пройдет до еды. Насчет осмотра не беспокойтесь, пациент Хьюлитт. Он будет носить неинвазивный характер и большей частью будет заключаться в опросе.

Когда вам будет разрешено встать с постели, я выдам вам транслятор, запрограммированный на перевод языков, которыми пользуются находящиеся в этой палате пациенты и обслуживающий персонал. Судя по всему, в прошлом ваши контакты с представителями других видов были немногочисленны. Здесь это упущение будет ликвидировано. Как только захотите, можете обращаться к другим пациентам, но только так, чтобы не мешать сотрудникам. Те пациенты, кровати которых закрыты ширмами, либо получают какие-то процедуры, либо отдыхают, либо изолированы по какой-либо еще причине. Их беспокоить нельзя. Большинство пациентов поговорят с вами, если пожелают. Относительно их отталкивающей внешности вам волноваться не стоит, поскольку здесь все пациенты уродливы, огромны и внешне отвратительны.

Все – без исключения.

У Хьюлитта мелькнула мысль: уж не сверкнули ли искорки насмешки во влажных темных пузырьках, которыми смотрела на него медсестра, но он тут же отверг эту мысль – она показалась ему совершенно нелепой.

– Кровать напротив вас занимает пациент Хенредт, кельгианин, – продолжала пояснения Старшая медсестра. – Налево по диагонали от вас лежит пациент Клетилт, он с Мельфа, а рядом с вами – ианин по имени Маколли. Его сегодня переводят на сорок седьмой уровень, поэтому с ним вы пообщаться, увы, не сумеете. Кто займет его место, я пока не знаю. А сейчас, пациент Хьюлитт, я советую вам отдохнуть. Может быть, вам удастся поспать до прихода врача.

Части тела Летвичи зашевелились и сложились в обратном порядке. Хьюлитт понял, что она собирается уходить. Наконец-то отвратительное создание покидает его. И тут его как будто кто за язык дернул – Хьюлитт и сам не понял, зачем сказал:

– Старшая сестра, я не испытываю желания разговаривать здесь с кем бы то ни было – ну разве только в том случае, если это будет крайне необходимо для моего лечения. Но есть одна...

личность, к которой я мог бы обращаться, не чувствуя такого... неудобства. Это та медсестра, что привезла меня в палату. Я бы не возражал, чтобы она приняла участие в моем лечении, и предпочел бы, если бы мне что-то понадобилось, вызывать ее. Прошу вас, скажите мне, как ее зовут?

– Не скажу, – решительно отозвалась Летвичи. – Поскольку она единственная худларианка, работающая у меня в палате, у вас не будет трудностей с тем, чтобы вызвать ее. Просто укажите в ее сторону верхней конечностью и громко скажите «медсестра», вот и все.

– Там, откуда я родом, – парировал Хьюлитт, – подобное поведение считается исключительно невежливым. Вы что, нарочно не хотите мне помочь? Свое имя вы мне назвали, сказали, как зовут пациентов, чьи кровати стоят рядом с моей, так почему вы отказываетесь сообщить мне имя худларианки?

– Потому, – ответствовала Летвичи, – что сама его не знаю.

– Это же глупость какая-то! – взорвался Хьюлитт. Он больше не в силах был сдерживаться, общаясь с этой тошнотворной и, судя по всему, заносчивой тварью. – В вашем ведении – весь средний персонал палаты, и вы хотите, чтобы я поверил, будто вам неизвестны имена сотрудников? Вы что, меня за идиота принимаете? Впрочем, ладно. В следующий раз увижу медсестру и сам у нее спрошу, как ее зовут. Она мне скажет.

– Надеюсь, она этого не сделает, – резко воскликнула Старшая медсестра. Что-то она такое произвела со своим телом, из-за чего оно снова развернулось и вновь оказалось в неприятной близости от кровати. – Что касается уровня вашего идиотизма, пациент Хьюлитт, – добавила Летвичи, – я предпочту на эту тему не высказываться, так как скована правилами хорошего тона. Вы не то чтобы глупы, вы скорее пребываете в неведении. Развеять ваше неведение мне позволительно.

У нашей медсестры-худларианки на одной конечности имеется повязка, где обозначены ее должность и персональный номер, – пояснила Летвичи. – Номер используется в административных целях, и это единственное определение личности худларианки, нам известное. В связи с тем, что представители других видов не умеют различать худлариан внешне, в случаях необходимости к ним обращаются, называя последние цифры этого номера. По имени худлариан никто не зовет, поскольку они к своим именам относятся как к чему-то очень личному и сокровенному. У представителей их вида принято называть друг друга по имени только в кругу семьи или при общении с теми, с кем они собираются вступить в супружескую связь, непосредственно перед соитием.

Похоже, вы ощущаете некоторую симпатию к нашей медсестре-худларианке, – добавила Старшая сестра. – Однако, учитывая вышеизложенное, вам лучше не заводить с ней разговора о том, как ее зовут.

Летвичи удалилась на сестринский пост, по пути издавая противные непередаваемые звуки, напоминавшие те, которые мог бы издавать больной с тяжелейшей дыхательной недостаточностью. Между тем скорее всего то был илленсианский эквивалент смеха.

Хьюлитта бросило в жар. Ему казалось, что воздух в палате нагрелся от его пылающих щек. Он упал на подушку и уставился в объектив видеокамеры, гадая, не вызовет ли покраснение его щек тревогу еще у какого-нибудь мерзкого страшилища, которое поспешит явиться к нему на помощь.

Не вызвало. Минуло несколько минут, но никто к Хьюлитту не прибежал. Это радовало, однако к радости примешивалось раздражение. Никто к нему не шел – уж не значило ли это, что для того, чтобы привлечь внимание сотрудников, ему нужно упасть с кровати, сломать руку или совершить еще что-либо, столь же мелодраматическое? Хьюлитт успокоился, но на смену раздражению явилось старое, знакомое чувство злости и отчаяния. «Зря я согласился сюда отправиться». Он лежал и осматривал палату, уставленную большими замысловатыми кроватями. Увы, не все пациенты, занимавшие эти кровати, были сейчас скрыты от его взгляда

ширмами. Со стороны сестринского пульта доносился приглушенный лай, стоны и бульканье. К счастью, расстояние мешало Хьюлитту как следует разглядеть тех, кто вел эти «разговоры». Он всегда недолюбливал незнакомцев. Не радовали его даже встречи с родственниками, которых он подолгу не видел, – за время разлуки они так отвыкали друг от друга, что их приезд вносил беспорядок в привычную, удобную, организованную, одинокую и более или менее счастливую жизнь, которую создал себе Хьюлитт. А теперь он оказался среди незнакомцев, незнакомых настолько, что такого он в жизни и представить себе не мог. И виноват в этом он, и только он.

Хьюлитту советовали не соглашаться на лечение в Главном Госпитале Сектора – советовали многие земные врачи, знакомые с его психопрофилем и считавшие, что госпиталь – не самое подходящее для Хьюлитта место. Однако земные доктора ничего с хворью Хьюлитта поделать не могли, кроме как утверждать очевидное: то, что симптомы болезни необычно разнообразны, неспецифичны и никак не поддаются ликвидации на фоне назначаемого лечения. Высказывались предположения, что виной всему был слишком деятельный разум Хьюлитта, оказывавший непропорционально сильное влияние на его тело.

Одиночество Хьюлитта скорее было вынужденной необходимостью, нежели его собственным выбором. Ему приходилось самому заботиться о собственном благополучии, в том числе избегать несчастных случаев – болезней и инфекции. Но ипохондриком, по крайней мере закоренелым ипохондриком, его считать было нельзя. Он понимал, что с ним происходит что-то очень серьезное, и раз так, то в условиях нынешнего уровня развития медицины он имел право требовать, чтобы кто-нибудь где-нибудь вылечил его.

Да, ему совсем не хотелось находиться среди чужаков, но точно так же ему не улыбалась перспектива то и дело страдать непонятно чем и непонятно от чего, страдать до конца жизни. Поэтому он и настаивал на своем праве на лечение. А теперь он гадал – не лучше ли было бы ему остаться на Земле и тихо и спокойно умереть там. Еще неизвестно, что заставит его сильнее мучиться – болезнь или здешнее лечение и здешние доктора.

И Хьюлитту резко захотелось домой.

Вдруг его внимание переключилось на сестринский пост. Там появились две фигуры. Покинув пост, они направились по палате прямо к Хьюлитту. Первое из существ представляло собой удлинненное, толстое, поросшее серебристой шерстью создание. Оно передвигалось по полу, переступая короткими ножками, их количество Хьюлитт пересчитать не смог. Существо явно принадлежало к тому же виду, что и пациент Хенредт – чья кровать стояла рядом с кроватью Хьюлитта. Рядом с серебристым существом шла медсестра-худларианка. Хьюлитт почему-то уже считал ее своей – может быть, потому, что та была вежлива с ним. Похоже, со времени их первой встречи пятна белой краски на боках худларианки обновились. В земных больницах косметикой пользовались немногие медсестры и при этом наносили ее на лица.

Хьюлитт на миг задумался: кажется ли его медсестра другим худларианам красавицей? Так и не успев найти для себя ответа на этот вопрос, Хьюлитт сел и приготовился к первому обследованию на новом месте, которое должен был произвести гигантский инопланетянин-гусеница. Но и серебристошерстый доктор, и медсестра-худларианка до Хьюлитта не дошли, а остановились около соседней кровати, занятой пациентом Клетилтом, и зашли за ширму. На Хьюлитта они и внимания не обратили.

До него доносились их негромкие голоса. Разновысокие постанывания исходили, видимо, от врача, неупорядоченные поскрипывания и пощелкивания, каких Хьюлитту прежде никогда не доводилось слышать, по всей вероятности, принадлежали пациенту-мельфианину. Кто-то третий издавал короткие отрывистые звуки. Хьюлитт вспомнил, что так звучит речевая мембрана худларианки. Наверное, медсестра отвечала на вопросы врача. Ни один из трансляторов не был настроен на человеческую речь, поэтому Хьюлитт не мог понять, о чем эта тройка разговаривает.

Это ужасно раздражало Хьюлитта, тем более, что он отчетливо видел, как материал, из которого была изготовлена ширма, то и дело выгибается, как будто за ним двигается то что-то большое и круглое, вроде боков худларианки, а то – что-то маленькое и острое. Хьюлитту, хоть он и должен был, по идее, испугаться, стало любопытно, что же происходит за ширмой.

Что бы там ни происходило, продолжалось это минут двадцать. Затем из-за ширмы выполз доктор-кельгианин и направился к сестринскому посту, даже не взглянув на Хьюлитта. Землянин слышал, как медсестра-худларианка ходит около кровати Клетилта – видимо, она что-то делала с пациентом. Потом и она вышла из-за ширмы и поспешила за врачом. Хьюлитт не послушался совета Летвичи – не ткнул пальцем в сторону худларианки и не прокричал «медсестра!», – он только помахал худларианке рукой.

Медсестра остановилась, перестроила транслятор и спросила:

– Что-нибудь случилось, пациент Хьюлитт?

«Тупица! – подумал Хьюлитт. – Уж могла бы понять, что случилось!»

Однако он ответил как можно вежливее:

– Вроде бы меня должны были осмотреть, медсестра. Что происходит? Этот доктор на меня не взглянул!

– Этот доктор, – ответствовала медсестра, – организует перевод Клетилта в другую палату, а я занималась перемещением больного в процессе осмотра. Это Старший врач Картгад. В настоящее время он занимает пост Главного акушера-гинеколога, и ваш случай к его профилю не относится. Подождите немного, пациент Хьюлитт. Скоро к вам придет ваш лечащий врач.

Глава 3

Мельфиан Хьюлитт видел раньше только на фотоснимках. За время пути от приемного покоя до палаты на глаза ему попадались и живые экземпляры этого вида. Теперь совсем рядом с ним неподвижно стоял мельфианин, похожий на краба-переростка. Хьюлитт не стал разглядывать тонкие трубчатые лапки, торчащие из щелей в толстом панцире. Он во все глаза смотрел на голову мельфианина – на большие глаза с вертикально поставленными веками, чудовищные челюсти и клешни, торчавшие оттуда, где, по идее, должны были располагаться уши. Из углов рта мельфианина росли два усика, такие длинные, тонкие и хрупкие, что по сравнению со всей фигурой выглядели даже как-то странно. Страшная голова мельфианина склонилась, и прозвучал стандартный вопрос:

– Ну, как мы себя чувствуем, пациент Хьюлитт?

Хьюлитт дал столь же стандартный ответ:

– Прекрасно.

– Хорошо, – откликнулся врач. – Я – доктор Медалонт. Я хотел бы произвести ваш первичный осмотр и задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете. Прошу вас, пожалуйста, откиньте одеяло и лягте на живот. Раздеваться не нужно – одежда не мешает сканеру обследовать вас. В процессе обследования я буду давать вам необходимые разъяснения.

Сканер представлял собой небольшой плоский, прямоугольный предмет, напоявивший Хьюлитту древнюю книгу. В «корешке» этой «книги», по словам Медалонта, размещались устройство глубинной фокусировки и система увеличения изображения. В матово-черной «нижней части обложки», которую врач медленно перемещал над каждым квадратным дюймом тела Хьюлитта, располагались микродатчики. Верхняя же часть «обложки» являла собой экранчик, на котором врачу были видны органы и структуры. Увеличенное изображение с экрана сканера передавалось на прикроватный монитор – видимо, для удобства медсестры. Хьюлитт вывернул голову, чтобы посмотреть на экран монитора.

– Перестаньте вертеться, пациент Хьюлитт, – проворчал доктор. – Теперь, пожалуйста, лягте на спину. Благодарю вас.

Одна из мельфианских клешней мягко взяла Хьюлитта за запястье и ровно уложила его руку вдоль тела. Один усик развернулся и улегся перпендикулярно сгибу локтя, а второй легко, словно перышко, пробежался по носу и губам Хьюлитта, из-за чего ему ужасно захотелось чихнуть. Несколько минут спустя доктор убрал от пациента усики и клешни и выпрямился.

– Если я верно помню анатомию землян-ДБДГ и их жизненно важные параметры, – проговорил врач, добавив к сказанному серию негромких непередаваемых щелчков – вероятно, так мельфиане усмехались, – я склонен согласиться с тем диагнозом, который вы сами себе поставили. За исключением незначительного напряжения мышц, а в данных обстоятельствах это вполне понятно, ваше состояние можно считать весьма удовлетворительным.

«Вот так они всегда говорят. Сколько раз мои обследования заканчивались именно этими словами!» – сердито подумал Хьюлитт. Попадались ему и такие врачи, которые смеялись над ним или обвиняли его в том, что он понапрасну оторвал их от работы. Этот Медалонт вроде бы малый вежливый, хоть и инопланетянин. Наверное, и этот тоже поинтересуется, зачем его сюда пригласили.

Ничего подобного – не поинтересовался.

Немного подумав, Медалонт протянул:

– Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, пациент Хьюлитт. Подобные вопросы вам задавали много раз. Ваши ответы на них приведены в истории болезни. Но я полагаю, что ваши ответы – именно из-за того, что вы повторяли их неоднократно, – могли со временем стать неточными или неполными. Вероятно, мне удастся ликвидировать пробелы, сделанные

моими предшественниками. За исключением того, что вы в раннем детстве жили на Этле, больше вы Землю не покидали. Верно?

– Верно, – отозвался Хьюлитт.

– Имели ли вы на Этле контакты с представителями других видов?

– Помнится, я видел там кое-каких неземлян, – отвечал Хьюлитт. – Но не настолько хорошо рассмотрел их, чтобы суметь сейчас описать. Тогда мне было всего четыре года, и я их боялся. Родители говорили, что с возрастом это пройдет, но все же старались держать меня в своей комнате, если к ним в гости приходили инопланетяне. Но с возрастом у меня ничего не прошло.

– Время еще есть, – фыркнул Медалонт. – Что вы помните о своих болезнях в детстве? Начните с самых ранних воспоминаний, прошу вас.

– Помню я очень немного, – отозвался Хьюлитт. – Как я узнал позднее, я рос очень здоровым ребенком. Но когда мои мать и отец погибли в авиакатастрофе, было решено, что я отправлюсь на Землю к бабушке и дедушке, и меня привили от самых распространенных земных детских и взрослых болезней. Вот тогда-то и начались неприятности. В ту пору на Этле жили очень мало землян, и поскольку мои родители не собирались возвращаться на Землю, у них не было нужды делать мне прививки.

– Причина этого вам известна? – спросил доктор.

– Думаю, да, – вздохнул Хьюлитт.

– В таком случае изложите мне свои соображения, – попросил Медалонт. – Если вы скажете мне об этом, вероятно, вам станет легче жить среди чужаков – ведь именно так вы нас называете.

Хьюлитт не любил, когда над ним подсмеивались. Он не был ни глупым мальчиком, ни выжившим из ума старикашкой, и его раздражало то, что какой-то там медик-всезнайка намекает, что он несообразителен или, еще того хуже, необразован. Хьюлитт процедил:

– Если вы чихнете, ваши мельфианские микробы не принесут мне вреда, и наоборот. Точно так же и с другими видами в стенах госпиталя. Все дело тут в эволюции и окружающей среде. Микробы, возникшие на одной планете, не могут инфицировать существ с другой планеты и вызывать у них заболевание. На Земле поговаривают, что бывали времена, когда кое-где в больницах, содержавшихся без должного усердия, можно было заразиться болезнями от других пациентов. Правда, иногда, что значительно приятнее, можно было заразить своей болезнью еще кого-нибудь.

Не потому ли в этой палате лежат только по одному представителю разных видов? «Ну, и как тебе необразованный землянин?» Для того чтобы свести к минимуму риск перекрестного заражения?

Доктор Медалонт моргнул – так громко, что Хьюлитт услышал треск его панцирных век, – и ответил:

– Подобную причину в госпитале официально не признали бы. Есть другие причины. Похоже, вы неплохо подкованы в медицине. А теперь не будете ли вы настолько добры вернуться к рассказу о том, когда впервые ощутили симптомы болезни?

– Я так наслушался врачей, которые столько лет подряд обсуждали мою историю болезни, – отозвался Хьюлитт, – что, сам того не желая, многое узнал. Хорошо, вернемся к симптомам. После того, как я получил первую прививку перед возвращением на Землю, мне сказали, что у меня была плохая реакция на иммунизацию: высокая температура, сыпь, воспаление слизистых оболочек. Все это через несколько дней прошло. Однако эти симптомы не имели почти ничего общего с течением даже в самой легкой форме того заболевания, от которого меня прививали. Такая же картина повторялась на Земле. Болезнь одна – симптомы другие, время выздоровления – не такое, как у всех. Помню и другие случаи, когда мне просто нездоровилось, когда я вдруг чувствовал резкую усталость и слабость, хотя играл с това-

рищами не в такую уж напряженную игру. То я недомогал и чувствовал тошноту безо всякой причины, то у меня немного подсакивала температура, то я покрывался красными пятнами. Правда, все эти симптомы были не так уж серьезны и не причиняли мне таких уж неудобств, чтобы я помнил все подробности или мог сказать, как долго они длились. Бабушка с дедушкой немного беспокоились, но не паниковали. Они показали меня местному врачу, и тот сказал им, что я – крайне болезненный ребенок, готовый в любой момент подцепить любой из вирусов, поименованных в справочнике.

Но ведь я не был болезненным, – вскричал Хьюлитт, злясь на свое прошлое, когда его впервые незаслуженно обидели. – В промежутках между болезнями я чувствовал себя превосходно, и меня всегда зачисляли в сборную по легкой атлетике, когда...

– Пациент Хьюлитт, – вмешался Медалонт. – Эти эпизоды тошноты, незначительных кожных высыпаний и другие симптомы, которые, как вам в то время казалось, не были связаны с профилактическими прививками... Не следовали ли они за приемом каких-то медикаментов? К примеру, не отмечали ли вы чего-либо подобного после приема мягких средств от головной боли или какого-либо анестетика, который вам могли назначить при ушибе, полученном во время спортивных соревнований? Вероятно, вы могли быть в таких обстоятельствах слишком взволнованны, чтобы запомнить, но все же? Может быть, такое происходило, когда вы съедали что-либо такое, чего бы вам есть не следовало? Например – что-либо сырое или незрелое?

– Нет, – ответил Хьюлитт. – Если бы кто-то въехал мне в живот во время игры, я бы такое запомнил. Если бы я съел какую-нибудь гадость, а потом мне стало плохо, я бы тоже этого не забыл – по крайней мере ради того, чтобы снова такую же гадость не съесть. Я и сейчас не дурак, и тогда дураком не был.

– Не сомневаюсь, – фыркнул доктор. – Прошу вас, продолжайте.

Сердито и раздраженно Хьюлитт продолжил рассказ, ему уже столько раз приходилось это делать – излагать свою печальную повесть множеству медиков, не слишком искренне пытавшихся скрыть нетерпение, выслушивая его. Он описывал внезапное появление самых разнообразных симптомов, возникавших безо всякой видимой причины. Он говорил о том, что, хотя эти симптомы и причиняли ему некоторое неудобство и порой сильно его озадачивали, все же никогда не бывали настолько серьезны, чтобы выводить его из строя. В возрасте девяти лет, через пять лет после того, как Хьюлитт вернулся на Землю, бабушка отвела его к семейному врачу. Врач внес первый положительный – а возможно, и совершенно отрицательный, – вклад в лечение Хьюлитта. Он решил при появлении необъяснимых и не слишком болезненных симптомов не назначать ему никаких лекарств. Доктор посчитал, что количество и разнообразие симптомов у мальчика прямо пропорционально объему принимаемых лекарств. Поэтому ему представилось разумным отменить всякие лекарства и понаблюдать за тем, во что это выльется. Бабушке он сказал, что она может приводить мальчика к нему, как только симптомы появятся вновь, но что с этих пор лечение ограничится только обсуждением симптомов.

Кроме того, Хьюлитта отвели к психиатру, который в течение нескольких недель терпеливо и участливо выслушивал его, после чего заявил бабушке Хьюлитта, что мальчик физически здоров, очень развит и отличается богатым воображением. Он обещал, что все проблемы исчезнут сами собой после полового созревания.

– Позднее я понял, – продолжал Хьюлитт, – что оба доктора не верили в то, что я страдаю чем-то серьезным. Психиатр выразил свою точку зрения на сей счет в вежливых полунамеках, а терапевт сделал то же самое в виде отсутствия каких бы то ни было назначений. И он оказался прав. В течение трех лет после того, как он отменил лекарства, симптомы у меня стали появляться все реже, а если и появлялись, то не в такой ярко выраженной форме, как раньше. Я перестал обращать на них внимание за исключением тех случаев, когда у меня на открытых местах тела появлялась легкая сыпь. Не обращал внимания и другим об этом не

говорил. Но как только я вступил в пору полового созревания, беды начали происходить каждые несколько недель, и некоторые симптомы носили поистине обескураживающий характер. Но наш семейный терапевт все равно воздерживался от назначения мне лекарств. Со временем частота возникновения симптомов снова уменьшилась. С четырнадцати до двадцати лет у меня было только три... ну, скажем так, серьезных приступа, но в промежутках между ними случалось много всего удручающего...

– Вот теперь я понимаю, – вмешался Медалонт, – почему в вашей истории болезни так настойчиво рекомендуется воздерживаться от назначения вам каких-либо лекарственных препаратов без предварительной беседы с вами. Ваш местный врач – здравомыслящее существо, чего нельзя сказать о большинстве из нас, молодых и рьяных медиков. Он решил в ситуации, когда испытывал сомнения и когда болезнь не угрожала жизни пациента, ничего не предпринимать. Но теперь, когда эпизоды вашего заболевания участились и стали доставлять вам больше беспокойства, вам придется довериться нам. Если вы хотите, чтобы мы вылечили вас, мы не сможем и впредь ничего не делать.

– Это я понимаю, – вздохнул Хьюлитт. – Мне продолжать?

– Позже, – ответил врач. – Скоро вам принесут обед, а Летвичи отругает меня, если я заставлю вас голодать. Медсестра, переключите транслятор на консультативный режим.

Мельфианин поднял клешню, худлярианка – щупальце, и оба они одновременно коснулись клавиш на пульте трансляторов. Последовал короткий обмен фразами, Хьюлитту совершенно непонятными. Выдержав минуты три, Хьюлитт не смог больше сдерживать злость и отчаяние.

– Что вы там такое обсуждаете? – взорвался он. – Говорите так, чтобы я мог вас понимать, проклятие! Все вы одинаковые! Думаете, что я все выдумываю, что я совершенно здоров и что просто у меня слишком богатое воображение? Вы ведь так думаете?

Врач и медсестра снова прикоснулись к клавишам на пультах трансляторов, и Медалонт изрек:

– Можете слушать наш разговор, если хотите, пациент Хьюлитт. Мы ничего не собираемся от вас скрывать, кроме как, пожалуй, некоторого нашего замешательства относительно вашего случая. А вам так важно знать, что о вас говорят?

– Я не люблю, когда меня считают лжецом, – немного успокоившись, проворчал Хьюлитт. – Или когда кто-то думает, что со мной все в порядке.

Доктор немного помолчал и сказал:

– В ближайшие дни и недели с вами будут беседовать многие незнакомые существа. Они многое будут думать о вас, пытаясь найти причины вашей болезни. Но одного они точно не будут думать о вас – того, что вы лжец. Если бы с вами было все в порядке, вы бы здесь не находились. Извините меня.

Я почти не сомневаюсь в том, – добавил Медалонт, развернув свои выпуклые глазища к медсестре, – что психологический момент в заболевании пациента Хьюлитта действительно имеется. Мы будем продолжать его клиническое обследование и попросим, чтобы параллельно его обследовали специалисты из Отделения Психологии. Учитывая имеющуюся у пациента некоторую ксенофобию, будет лучше, если им займется кто-нибудь из его соотечественников – О'Мара или Брейтвейт...

– Со всем моим уважением, доктор, – встряла медсестра, – я бы не стала приглашать майора О'Мару.

– Вероятно, вы правы, – согласился Медалонт. – О'Мара принадлежит к тому же виду, что и пациент, он талантливый психолог, но, увы, не слишком приятное существо. Тут нужен кто-нибудь помягче. Что ж, тогда пусть будет лейтенант Брейтвейт.

А пока, – продолжал врач, – никаких лекарств больному назначать не будем, за исключением легкого успокоительного – в том случае, если пациент попросит сам. У пациента нет

опыта пребывания в одном помещении с представителями других видов, поэтому у него могут возникнуть сложности с засыпанием. Однако внимательно следите, не возникнут ли у пациента на фоне приема успокоительных средств болезненные симптомы. Они могут возникнуть внезапно, резко и оказаться необычайно тяжелыми. Поэтому мне хотелось бы не только постоянно вести визуальное наблюдение за пациентом, когда он находится в постели, но и следить за его состоянием, когда он будет передвигаться по палате, дабы удовлетворить свое любопытство и, если общее состояние других пациентов позволит, вступать с ними в беседы. Необходимо обеспечить пациента Хьюлитта персональным датчиком с выходом на ваш сестринский монитор. Я не ввожу никаких ограничений в его диету, но хорошо бы, если в течение некоторого времени еду ему подавали бы к кровати.

Доктор Медалонт перевел взгляд на Хьюлитта и добавил:

– Многие из поступающих к нам пациентов поначалу испытывают отвращение при виде того, как едят другие. Так что вам нечего стыдиться. Когда я впервые увидел, как едят кельгиане свое любимое рагу из глансов, меня чуть не вывернуло наизнанку.

– Нет! – выкрикнул Хьюлитт, пытаясь сдержать нарастающую панику. – Я не буду ни есть, ни общаться с кем бы то ни было из тех, кто тут лежит. Тот... ну, тот громадный слон, которого я видел... его кровать сразу около сестринского поста... у него такой вид, будто он меня вот-вот сожрет!

– Пациент Коссунален – травоядный, – успокоил Хьюлитта врач. – Так что не волнуйтесь. Установление социальных контактов с другими пациентами рекомендуется, но не является обязательным. Между тем вам следует помнить, что в настоящее время вы являетесь на редкость здоровым больным, которому вряд ли понравится все время лежать в постели и совершать путешествия только в туалет и к умывальнику. Не медики, но скука вынудит вас вступить в общение с другими пациентами.

Хьюлитт издал громкий нечленораздельный звук – он понимал, что транслятор его не переведет.

– Теперь я должен вас оставить, – тихо проговорил Медалонт. – Если у вас возникнут вопросы, на которые вам не сумеют ответить медсестры – а это навряд ли, – я еще раз навещу вас перед сном. Желаю вам приятного аппетита.

Конечности мельфианина негромко заклацали по полу, за ним почти беззвучно проществовала худларианка. Хьюлитт остался один-одинешенек. Он тоскливо созерцал стенки ширмы и гадал, что же ему принесут поесть в этом ужасном месте. Минуло несколько минут, и медсестра-худларианка вернулась. Она вкатила тележку с едой и поставила поднос на тумбочку около кровати Хьюлитта.

– Пока мы не располагаем сведениями о ваших вкусах, – заметила она, – поэтому выбрали для вас еду, которую предпочитает большинство землян-сотрудников. Коричневый плоский кусок мяса, по-моему, это называется «отбивная», с гарниром из кусков каких-то овощей. Прежде чем вы приступите к еде, мне бы хотелось подсоединить к вашему телу кое-какое оборудование. Вот этот датчик, который я укреплю у вас на груди, позволит медсестрам на сестринском посту видеть, чем вы занимаетесь. Транслятор, который я повешу вам на шею, настроен на языки, которыми пользуются находящиеся в палате пациенты и обслуживающий персонал. С помощью транслятора вы можете узнавать, что говорят о вас и о ком бы то ни было еще.

Думаю, пока вам будет удобнее кушать так, чтобы вас никто не видел, – продолжала медсестра. – По крайней мере пока вы немного не освоитесь. Поэтому я не стала убирать ширму. Теперь мне нужно уйти, но, если вам что-то понадобится, нажмите кнопку вызова. Договорились, пациент Хьюлитт?

– Да-да, большое спасибо, – отозвался Хьюлитт. – Вот только, медсестра...

Хьюлитт не договорил – он сам не понимал, за что так благодарен этому чудовищному созданию, почему ему хотелось сказать что-то большее, нежели стандартные слова вежливости. Медсестра уже собиралась уходить – спина раздвинула полотнища ширмы. Краска с бока худларианки оставила на ткани большое пятно. Медсестра остановилась и сказала:

– Слушаю вас, пациент Хьюлитт.

– Медсестра, – смущенно проговорил Хьюлитт. – Я никак не ожидал, что кто-то вроде вас окажется таким... гм-м-м... участливым по отношению ко мне. Имел в виду... на Земле мне такие существа не попадались...

– Еще бы, – отозвалась худларианка.

– Я же не в буквальном смысле! – сильнее смутился Хьюлитт. – Я просто хотел поблагодарить вас и сказать, что вам очень к лицу ваша косметика.

Медсестра издала короткий непередаваемый звук и процедила:

– Худлариане ничем не украшают своего тела, пациент Хьюлитт. Это не косметика. Это мой обед.

Глава 4

Первую ночь в госпитале Хьюлитт не спал. Кровать у него оказалась удобная, мягкий свет ночника совсем не резал глаза. Хьюлитт очень устал, по его часам – а они показывали корабельное, а не больничное время – он не спал уже двое суток. Однако отяжелевшие веки никак не желали закрываться. Он думал о том, что и сознательно, и бессознательно ему страшно уснуть здесь.

Время словно бы застыло на месте. Он лежал, прислушиваясь к ночным звукам в палате. Непрерывное дыхание вентиляционной системы, не слышимое днем, ночью, казалось, с каждым часом становилось все громче и громче, так же как и шаги медсестер, подходивших к пациентам. Время от времени до Хьюлитта доносились постанывания или бульканья тех пациентов, которым, наверное, было больно. Хотя тут больным наверняка назначали обезболивающие средства, так что скорее всего звуки, которые слышал Хьюлитт, были инопланетянским храпом.

В тоске Хьюлитт включил прикроватный плеер и надел наушники, чтобы звук не привлекал к нему внимания какой-нибудь сестры, которая принялась бы ругать его за то, что он мешает спать другим больным. Хьюлитт пробежался по развлекательным каналам. Большинство из них было предназначено для зрителей-неземлян, и хотя транслятор переводил диалоги персонажей, тралтанские и мельфианские комедии положительно производили на Хьюлитта впечатление фильмов ужасов. Когда же он наконец наткнулся на фильм, адресованный землянам, сюжет и диалог оказались поистине доисторическими. По идее, от такого зрелища следовало бы уснуть крепким сном, но Хьюлитт не уснул.

Он вернулся к тралтанской мыльной опере – истории жизни какого-то семейства, члены которого производили совершенно неопишуемые действия и произносили при этом банальнейшие фразы. Вдруг шторы ширмы раздвинулись и появилась медсестра-худларианка.

– Вы должны спать, пациент Хьюлитт, – проговорила медсестра так тихо, что Хьюлитт ее еле расслышал. – Что-нибудь случилось?

– А вы – та самая медсестра, которая сегодня привезла меня? – решил уточнить Хьюлитт.

– Все остальные медсестры, включая Летвичи, – ответила худларианка, – ушли отдыхать. Но представители моего вида способны подолгу не спать, поэтому я несу ночное дежурство. Завтра и послезавтра я буду отдыхать и учиться, и если вы пробудете тут до послепослезавтра, то мы еще увидимся. Датчики, прикрепленные к вашему телу, регистрируют повышенное мышечное напряжение и слабость. Почему вы не спите?

– Я... мне кажется, что... пожалуй, я боюсь заснуть, – пожаловался Хьюлитт, гадая, с какой стати ему проще признаваться в этом инопланетянину, чем своему соотечественнику. – Мне кажется, что если я здесь усну, то мне приснятся кошмары, а когда проснусь, то буду себя чувствовать еще хуже. Надеюсь, вам известно, что такое кошмары?

– Известно, – ответила медсестра, приподняла одно щупальце, направила его кончик за спину и покачала им. – Вы думаете, что вам будут сниться кошмары про нас?

Хьюлитт промолчал, посчитав, что уже ответил на этот вопрос. Ему стало стыдно.

– Если вы заснете и вам будут сниться кошмары про нас, – продолжала медсестра, – а потом вы проснетесь и обнаружите, что ваши кошмары материальны и находятся повсюду вокруг вас, что они либо такие же страдалцы, как вы, то есть пациенты, либо те, кто старается вылечить вас. Разве вам не покажется, что не спать в таких обстоятельствах – пустая трата времени? Понимание того, что мы окажемся здесь, когда вы проснетесь, вероятно, может до некоторой степени сделать ваши сны менее страшными. Может быть, тогда ваше сознание сумеет переключиться на что-нибудь более приятное. Ну, разве это не логично, пациент Хьюлитт? Не хотите ли последовать моему совету?

Хьюлитт снова промолчал. На этот раз – потому, что пытался как-то уложить в мозгу худларианскую логику.

– Кроме того, – заметила медсестра, – я бы сказала, что мельфианский детектив-боевик вреден для психики, независимо от того, к какому виду принадлежит зритель. Может быть, желаете вместо просмотра фильма побеседовать со мной?

– Да... то есть нет, не хочу, – отозвался Хьюлитт. – Тут наверняка есть пациенты, чувствующие себя хуже меня и более меня нуждающиеся в вашей помощи. Со мной все в порядке, по крайней мере – сейчас.

– А сейчас, – отвечала медсестра – все пациенты спокойны, чувствуют себя хорошо, состояние их стабильно. За их здоровьем во время сна следят мониторы. Вы же не спите, а я молода и пытлива – мне, практикантке, скучно на ночном дежурстве. Может быть, вы хотите мне что-нибудь сказать или о чем-то спросить?

Хьюлитт смотрел на огромное шестиногое чудовище, чья речевая мембрана развевалась наподобие жуткого мясистого флага, чья толстая шкура покрывала гигантское тело подобно непроницаемой броне. Наконец он выговорил:

– У вас вроде бы краска на теле снова подсохла.

– Спасибо за заботу, – отозвалась худларианка. – Но беспокоиться не стоит. Она продержится до того времени, как меня придут сменить.

– Я вас не понимаю, – пробормотал Хьюлитт. – Ну, то есть понимаю, но не настолько, чтобы задавать вопросы.

– Судя по тому, что вы говорили относительно косметики, – протянула медсестра, – я догадываюсь, что спросить вы хотите именно об этом. Вам известно, зачем худлариане пользуются питательной краской?

Не сказать, чтобы Хьюлитта безумно интересовало, почему инопланетяне делают то или другое. Но эта инопланетянка была расположена поболтать – пускай даже ради того, чтобы развеять собственную скуку. Можно было послушать ее и хотя бы немного отвлечься от мыслей об инопланетянском ассорти, в которое погрузили Хьюлитта. Послушать знакомого монстра для того, чтобы забыть о незнакомых. Меньшее из двух зол. Кроме того, не исключено, что это чудище по-своему пыталось утешить Хьюлитта.

– Нет, – ответил Хьюлитт. – Это мне неизвестно. Зачем, медсестра?

Сначала худларианка поведала Хьюлитту о том, что ее соотечественники не имеют ртов. Вместо ртов природа снабдила их другими органами поглощения пищи. Затем вопросы у Хьюлитта посыпались один за другим.

Худлариане эволюционировали до разумного состояния на планете с необычайно высокой силой притяжения и соответствующе высоким атмосферным давлением. Нижние слои худларианской атмосферы напоминали густой полужидкий бульон, заправленный крошечными микроскопическими существами животного и растительного происхождения. Этих существ худлариане поглощали с помощью органов абсорбции, располагающихся на боках и спине. Процесс поглощения тел шел непрерывно из-за постоянного энергетического голода худлариан. Воспроизвести их родную атмосферу в условиях госпиталя представлялось задачей не из легких, поэтому тут решили, что будет удобнее обрызгивать тело худлариан через регулярные промежутки времени специально подобранной питательной смесью.

– Порой, – разъясняла худларианка, – мы слишком сильно сосредоточиваемся на чем-либо и забываем вовремя обрызгать себя едой. Если такое случается, мы слабеем от нарастающего голода. Это может произойти в любом месте, где бы мы ни находились, и тогда всякий, кто окажется рядом, сотрудник или амбулаторный пациент – скажем, вы – оживляет нас путем быстрого обрызгивания. Запасы баллончиков с питательным худларианским аэрозолем имеются в большинстве главных коридоров и практически во всех палатах. Такой баллончик есть и

в этой палате – он закреплен на стене на сестринском посту. Пользоваться баллончиком очень легко и просто. Я надеюсь, правда, что вам никогда не придется оказывать мне такую помощь.

Если худларианин упадет в голодный обморок посреди палаты, то в ней нарушится обычный распорядок работы, – продолжала медсестра, – кроме того, краской можно запачкать пол и ближайшие кровати. Старшая сестра Летвичи пришла бы в ярость, а нам бы этого не хотелось, верно?

– Д-да, пожалуй, – промямлил Хьюлитт, – нам бы этого не хотелось. – Он не слишком отчетливо представил себе, как приходит в ярость хлородышащая медсестра, но на всякий случай согласился с худларианкой. – Но вообще-то... раскрашивать себя едой... А я еще думал, что у меня проблемы...

– Больной здесь не я, а вы, пациент Хьюлитт, – возразила медсестра. – И ваши датчики регистрируют такую слабость, что мне стыдно из-за того, что я мешаю вам спать. Вы сейчас готовы отойти ко сну?

Мысль о том, что он снова останется один-одинешенек на тускло освещенной кровати – островке в мрачном море, населенном ужасными инопланетными чудовищами, – вызывала у Хьюлитта такой страх, что он понял: нет, спать он не хочет! Он решил не отвечать на вопрос худларианки прямо, а сделал это косвенно – сам задал медсестре вопрос:

– Как это может произойти, я не понимаю, но скажите, бывает у вас что-нибудь типа болей в желудке? И вообще вы когда-нибудь болеете?

– Никогда, – фыркнула медсестра. – Вы должны попытаться уснуть, пациент Хьюлитт.

– Но вы никогда не болеете, – упорствовал Хьюлитт, продолжая словесную оборону, – зачем же тогда худларианам нужны медсестры и врачи?

– Пока мы маленькие, – объяснила медсестра, – мы подвержены множеству детских болезней, но к зрелости у нас развивается иммунитет ко всем заболеваниям. Этот иммунитет сохраняется вплоть до глубокой старости и исчезает за несколько лет до смерти, когда наступает возрастная психологическая и физиологическая дегенерация. Диагност Конвей возглавляет разработку проекта обучения медиков-худлариан. Согласно этому проекту, планируется ликвидация самых тяжелых последствий увядания организма худлариан. Ликвидация предусматривает осуществление обширных ампутаций. Правда, предстоит многолетняя работа, пока не удастся помочь всем худларианам-старикам.

– Вы практикуетесь именно в этой области? – поинтересовался Хьюлитт. – Собираетесь лечить престарелых худлариан?

Лицо худларианки не изменилось, а если бы и изменилось, то Хьюлитт все равно бы этого не увидел – он вообще не видел никакого лица. Ее гладкое, покрытое прочнейшей кожей тело было выразительно ровно настолько, насколько может быть выразителен надутый воздушный шар. Но когда она стала отвечать Хьюлитту, у того возникло ощущение, будто медсестра не то смущена, не то стыдится своего ответа.

– Нет, – прошептала худларианка. – Я изучаю общую многовидовую терапию и хирургию. Мы, худлариане, вид для Галактической Федерации уникальный. Из-за особых свойств наших кожных покровов мы способны жить и работать в самых тяжелых экологических условиях. Мы можем переносить колебания атмосферного давления от самых высоких показателей до космического вакуума, а для того, чтобы впитывать поверхностью тела питательный аэрозоль, мы не нуждаемся в атмосфере. Худлариане как сотрудники пользуются большим спросом при приеме на работу в условиях, где представители других видов были бы вынуждены облачаться в тяжелые скафандры. Это неизбежно сказывается на качестве работы. Чаще всего худлариан привлекают к работам, связанным с выходом в открытый космос при сборке космических объектов. Естественно, худларианин-медик высокой квалификации, прошедший практику в Главном Госпитале Сектора, способный оказать медицинскую помощь не только своим

собратьям, но и представителям многих видов, занятых в сооружении вышеупомянутых конструкций, ценится очень высоко.

Наша планета, – продолжала худларианка, – никогда не славилась природными богатствами. У нас мало полезных ископаемых, мы не производим товаров на продажу, наши ландшафты не блещут красотой и потому не способны привлечь туристов. У нас нет ничего такого, в чем были бы заинтересованы другие, ничего, кроме удивительно сильных и выносливых жителей, способных работать где угодно. Другие обитатели Федерации это очень ценят и хорошо вознаграждают.

– Ну а после того, как вы стяжаете славу во время работы в космосе и сколотите капитал, – заметил Хьюлитт, – вы, видимо, вернетесь на родину, осядете там и заведете многочисленное семейство?

Похоже, худларианка занервничала. Хьюлитт гадал: то ли его собеседница стыдится того, что покинула родину и занимается учебой, призванной обеспечить ей в будущем высокооплачиваемую работу в космосе, и тем самым уходит от ответственности, связанной с заботой о старых и больных сородичах, то ли еще какие-то чувства смущают ее. Наверное, Хьюлитту не стоило задавать медсестре такого вопроса.

– Я заведу половину большого семейства, – пробурчала медсестра.

– Ничего не понимаю, – обреченно вздохнул Хьюлитт.

– Пациент Хьюлитт, – сказала худларианка, – вы не слишком хорошо информированы насчет худлариан. Я родилась и теперь пребываю в статусе женской особи и намерена пребывать в этом статусе до тех пор, пока не решу вступить в супружескую связь скорее в целях продолжения рода, нежели ради удовольствия. Затем беременная особь женского пола, то есть я, из физиологической необходимости – чтобы избежать дальнейших сексуальных контактов с партнером – постепенно превращается в особь мужского пола, а партнер, соответственно, в особь женского пола. По истечении худларианского года после разрешения от бремени эти изменения полностью завершаются. Новорожденный требует все меньше внимания родителей. Бывшая мать готова стать будущим отцом, а бывший отец готов зачать новое дитя. Этот процесс длится до тех пор, пока на свет не появится желаемое число потомков. Как правило, это четное число, чтобы можно было поровну разделить детей. Затем каждый из родителей принимает решение: кем ему остаться до конца жизни – мужской особью или женской.

Все очень просто, уравновешенно и эмоционально удовлетворительно, – завершила свой рассказ худларианка. – И я удивлена, что у других разумных видов не появилась такая же система размножения.

– Д-да, сестра, – выдавил Хьюлитт. Больше ему в голову просто ничего не пришло.

Глава 5

Хьюлитт не спал – вернее, всеми силами старался не уснуть, боясь материализованных кошмаров, окружавших его со всех сторон: больных и персонала. Прележав с такими мыслями довольно-таки долго, он обнаружил, что почему-то успокоился и расслабился. Может быть, общая слабость притупила его эмоции? А ведь ему положительно было на что бурно реагировать – он не мог представить себе ничего более чужеродного, чем кожа-скафандр, дикий способ потребления пищи и постоянная смена пола у дружелюбного монстра, с которым он теперь познакомился поближе.

– Сестра, – тихо проговорил Хьюлитт, – спасибо, что уделите мне столько времени. Пожалуй, теперь я усну.

– А вот теперь я бы вам не советовала засыпать, пациент Хьюлитт, – отозвалась худлярианка. – Через двадцать минут на смену заступит утренняя бригада, и сотрудники начнут всех будить, дабы пациенты успели умыться перед завтраком. Кроме вас, в палате еще трое амбулаторных больных, и думаю, вам не захочется умываться рядом с ними в первое же утро. Вероятно, вам следовало бы встать и попасть в ванную первым.

– Вы совершенно правы, – ни минуты не колеблясь, ответил Хьюлитт. – Но я так слаб, сестра. Не мог бы я умыться попозже?

– Учитывая испытываемую вами неловкость при непосредственной близости к представителям других видов, – отчеканила сестра, – я вас сопровождать не буду. Я постою рядом с ванной комнатой на тот случай, если ваш личный монитор, который вам следует захватить с собой, зарегистрирует резкое ухудшение вашего состояния в процессе умывания или вам потребуется помощь в обращении с оборудованием – ведь вы с ним еще не знакомы.

В том случае, если вы ощущаете сильную слабость, – добавила худлярианка, – у вас есть возможность принять процедуру обтирания. Эту процедуру осуществляют три практиканта-младшекурсника – мельфианин и две кельгианки. Они будут очень рады расширить свой опыт в уходе за нетравмированным землянином. Я точно знаю, что особенно им хочется усовершенствовать навыки удаления шерстинок, нарастающих за ночь на кожных покровах лица у ДБДГ. Они с радостью окажут вам таковую помощь.

Речевая мембрана худлярианки еще продолжала шевелиться, а Хьюлитт уже отбросил одеяло и спустил ноги с кровати. На полу его ожидали теплые шлепанцы. Быстро вскочив, он проворчал:

– Ваше первое предложение мне понравилось гораздо больше, сестра.

Худлярианка отступила в сторону и дала Хьюлитту дорогу.

Минут через двадцать он уже снова улегся в кровать, чувствуя себя чистым, освежившимся и не таким измученным. В это время вспыхнули потолочные светильники, и в палату вошла утренняя смена. Раздвинулись полотнища ширмы, между ними появилась пушистая голова кельгианки. Кельгианка подвезла к кровати Хьюлитта небольшую тележку, нагруженную тапками и полотенцами.

– Доброе утро, пациент Хьюлитт, – поздоровалась кельгианка. – С виду вы чистый. Так и есть?

– Да, – быстро ответил Хьюлитт, и кельгианка ретировалась.

Несколько минут спустя он услышал, как мимо его ширмы прошли друг за другом два пациента. Один из них, судя по шагам, был крупным и тяжелым, и ног у него имелось явно больше двух. Второй при ходьбе издавал неровное постукивание. Да, то были именно пациенты, а не сотрудники госпиталя – один из них жаловался другому, что его, дескать, разбудили, когда он только-только успел уснуть. Второй же упорно настаивал на том, что Летвичи проводят в палате незаконное научное исследование по влиянию бессонницы на больных и

что ему, помимо того, что собираются заменить, как он выразился, «кроумстеты на кульдовом протоке», еще и промывают мозги. Его транслятор, переводя речь, сохранил оригинальное звучание непонятных Хьюлитту слов. Скорее всего таких органов у людей не имелось, но Хьюлитт посочувствовал обоим пациентам, кто бы они там ни были, – уж он-то хорошо знал, что такое бессонница.

Только он забрался в кровать и закрыл глаза, только чуть-чуть затихли шумы в палате, как снова появилась кельгианка. На этот раз она привезла завтрак. А может быть, это была уже не первая кельгианка, а какая-то другая. Пока Хьюлитт еще не научился различать этих пушистых гусениц-переростков и сомневался, что когда-нибудь научится.

– Садитесь и кушайте за тумбочкой, пациент Хьюлитт, – распорядилась медсестра. – Представители вашего вида, насколько мне известно, страдают от расстройств пищеварения вплоть до извержения пищи, если потребляют ее в неправильном положении. Приятного аппетита.

– Я не хочу есть, – сонно проговорил Хьюлитт. – Я спать хочу. Прошу вас, уйдите.

– Ну так поешьте, а потом спите на здоровье, – отозвалась сестра. – Или хотя бы попробуйте еду, а то ведь Старшая сестра Летвичи меня съест.

– Правда? – моментально проснувшись, испуганно спросил Хьюлитт, и старые страхи снова вернулись к нему. Вряд ли здесь так шутят.

– Нет, конечно, – буркнула сестра. – Но только потому, что она – хлородышащая, и съешь она меня, она бы просто отравилась.

– Ладно-ладно, – поспешно согласился Хьюлитт, – я поем немного. – Он думал, что в госпитале, как и на корабле, ему подадут синтетическую пищу. Когда же он снял с подноса колпак, то в ноздри ему ударил аппетитный запах, и он понял, как сильно проголодался.

– Выглядит и пахнет замечательно, сестра.

– Ваша еда вызывает у меня визуальное отвращение и тошноту, – проворчала сестра, поспешно ретируясь за ширму. – А запах – кое-что похуже.

– С тактичностью у вас не очень, сестра! – крикнул Хьюлитт вслед кельгианке, но та уже торопливо топала дальше по палате. Вдруг прозвучал голос с кровати напротив, которую, как помнил Хьюлитт, занимал кельгианин по имени Хенредт.

– Тактичность – это что такое? – поинтересовался Хенредт.

Хьюлитт не стал отвечать ни на этот вопрос, ни на другие, посыпавшиеся следом за первым. Как только он покончил с едой, глаза его сами собой закрылись.

Проснулся он от звука негромких инопланетных голосов. Открыв глаза, он увидел стенки ширмы и понял, где находится. Но понимание почему-то уже не вызывало у него таких отрицательных эмоций, как днем раньше. Полежав несколько минут и послушав разговоры через транслятор, он решил нажать кнопку, чтобы убрать ширму.

Первое, что увидел Хьюлитт, это то, что пациент Маколли, занимавший кровать рядом с ним, пока он спал, исчез – теперь там лежал орлигианин. Представителя этого вида Хьюлитт распознал сразу – орлигианином был офицер-медик на «Тривендаре». Вот только этот орлигианин выглядел намного старше. Те части его тела, которые не были закрыты одеялом – голова, руки и грудь, – заросли рыжевато-коричневой шерстью, тронутой сединой. Около кровати орлигианина имелся, как и у Хьюлитта, плеер и транслятор, однако пациент никакого внимания на соседа не обращал. Хьюлитт гадал: то ли орлигианин спит, то ли под наркозом, то ли просто некоммуникабелен.

Мельфианин Клетилт на кровати напротив как-то очень хитро разместил свой плеер так, что глаз его за плеером видно не было, и, похоже, его ничего, кроме просматриваемой программы, не интересовало. Хьюлитт еще не знал, что может таким же образом разместить и свой плеер, и решил попозже поэкспериментировать.

Рядом с Клетилтом лежал кельгианин Хенредт. Около него пристроилась медсестра, принадлежавшая к неизвестному еще Хьюлитту виду. Они о чем-то оживленно болтали. Но пациент и сестра разговаривали так тихо, что транслятор землянина половину беседы не улавливал. Дальше по ряду располагалась кровать громадного слоноподобного создания, в котором Хьюлитт признал тралтана. Вместо того чтобы полеживать в постели, тот стоял на всех своих шести толстенных ножищах, опоясанный сложной сетчатой конструкцией, на которой было закреплено оборудование, удерживающее тралтана в вертикальном положении. Тралтаны делали абсолютно все, включая и сон, стоя, и даже взрослые особи, случись им подвернуть ногу и упасть на бок, с превеликим трудом, но вставали.

Размышляя на эту тему и гадая, из-за чего тралтан угодил в госпиталь, Хьюлитт заметил, что Старший врач Медалонт в сопровождении Старшей медсестры Летвичи покинул сестринский пост. Врач мчался по проходу, сестра, похлупывая телом внутри пластиковой оболочки, едва поспевала за ним. Оба они смотрели исключительно в направлении постели Хьюлитта. Тот прекрасно знал, что ему сейчас скажет доктор.

– Ну, как мы себя чувствуем, пациент Хьюлитт? – последовал неизбежный вопрос.

– Прекрасно, – выдал Хьюлитт дежурный ответ.

– Данные, регистрируемые монитором Хьюлитта со времени его поступления в палату, – вставила Летвичи, – соответствуют его собственной оценке своего состояния. Такое впечатление, что пациент совершенно здоров.

– Хорошо, – откликнулся врач и щелкнул клешней. Вероятно, тем самым он выразил удовлетворение, хотя жест этот заставил Хьюлитта испуганно вздрогнуть. – Мне бы хотелось побеседовать с вами поподробнее, пациент Хьюлитт. Давайте вернемся ко времени вашей первой госпитализации на Земле, когда вы...

– Но вы ведь об этом и так все знаете, – вмешался Хьюлитт. – Все это записано в моей истории болезни, и с такими подробностями, каких я сейчас уже и не упомяну. Со мной все в порядке, по крайней мере – сейчас. Вместо того чтобы попусту тратить время на разговоры со мной, вам, вероятно, было бы лучше обойти других пациентов, которые больше нуждаются в вашем внимании?

– Им уже было уделено внимание, – встряла Летвичи, – пока вы спали. Теперь ваша очередь. Однако кое в чем вы правы, пациент Хьюлитт. У меня полно более важных дел, которыми я и займусь, вместо того чтобы слушать, как болтают двое здоровых существ. Я вам нужна, доктор?

– Спасибо, вы свободны. Старшая сестра, – отозвался Медалонт и, обратившись к Хьюлитту, продолжал:

– Разговаривая с вами, я вовсе не трачу время попусту, поскольку надеюсь, что сегодня и в ближайшие дни вы сумеете сообщить мне нечто такое, что не занесено в вашу историю болезни, – нечто, что поможет мне решить вашу клиническую загадку.

Разговор начался с того самого момента, на котором закончился вчера, и казалось, будет длиться бесконечно. Если бы Хьюлитт умел различать какие-то перемены в выражении черт панцирной физиономии собеседника, он бы, наверное, прочел в них разочарование – так ему казалось. Беседу пришлось прервать, когда раздался голос дежурной сестры – изображение появилось на прикроватном мониторе. А Хьюлитт и не догадывался, что монитор, помимо всего прочего, еще служит и средством связи.

– Доктор, – напомнила Летвичи, – через тридцать минут пациенту будет подан обед. Вы планируете завершить беседу с ним к этому времени?

– Да. По крайней мере – на сегодня, – ответил Медалонт. Обернувшись к Хьюлитту, он добавил:

– Я пытаюсь делать для наших пациентов нечто большее, нежели смертельно докучать им вопросами. Нам придется провести серию тестов, то есть я должен взять у вас кровь на анализы

в лаборатории. Не бойтесь. Процедура эта совершенно безболезненна. Прошу вас, протяните мне вашу верхнюю конечность.

– Но вы не должны давать мне ничего такого, что могло бы... – поторопился предупредить Хьюлитт.

– Знаю-знаю, – перебил его доктор. – Если помните, именно я заверил вас в том, что вы не будете получать никаких лекарств до тех пор, пока мы не установим, от какого заболевания вас надо лечить. Вот поэтому-то мне и нужно взять у вас для анализов довольно значительный объем крови. Вы ничего не почувствуете, но если вам будет неприятно смотреть, закройте глаза.

Зрелище собственной крови никогда не вызывало у Хьюлитта неприязни, по крайней мере если речь шла о небольшом ее количестве, которое доктор почему-то назвал «довольно значительным объемом». Взяв у Хьюлитта кровь, Медалонт поблагодарил его за терпение и поспешил уйти, объяснив, что иначе рискует опоздать на обед.

Как и обещал Медалонт, Хьюлитт ровным счетом ничего не почувствовал, кроме незначительного онемения в том месте, откуда Медалонт взял кровь, – на локтевом сгибе. Землянин откинулся на подушки, но решил, что поспит после обеда, а пока послушает разговоры между больными, которые улавливал его транслятор. Вчера он был близок к панике, а сегодня, как ни странно, им все сильнее овладевало любопытство.

Хьюлитт не понимал, сколько времени прошло: у него не было сил поднять руку и взглянуть на часы. Чувствовал он себя прекрасно. Ему было удобно и спокойно – вот только он не очень понимал, откуда в палату напоззло столько сероватого тумана, из-за которого ему стали плохо видны соседние кровати. Звуки в палате тоже как бы отделились, но Хьюлитт отчетливо видел, как мигает красная лампа, и слышал, как надывается монитор, укрепленный у него на груди, издавая резкие жалобные звуки. Скоро к нему склонилась Старшая сестра Летвичи и стала оглушительно громко орать в коммуникатор:

– Кровать восемнадцать, классификация ДБДГ, землянин. Две минуты пребывания в состоянии сердечно-легочной недостаточности. Реанимационная бригада, на выезд!

Что-то напоминавшее ствол маслянистой водоросли отделилось от тела Летвичи, рванулось вперед внутри прозрачной оболочки и легло на грудь Хьюлитта. Он ощутил равномерное надавливание на грудь в области сердца. Последнее, что увидел землянин, – маслянистые листочки и перепонки все ближе и ближе придвигались к его лицу...

«Только не способом рот-в-рот, – успел подумать Хьюлитт. – Она же хлородышащая!»

Глава 6

Зрелище процессии, покинувшей сестринский пост, заставило всю палату замереть и умолкнуть. Процессию возглавлял Старший врач Медалонт, за ним следовала Старшая медсестра Летвичи, за ней безымянная сестра-худлярианка, за ними – интерны: нидианин и кельгианка. В промежутках между медиками к кровати Хьюлитта плыл целый флот разнообразнейшего реанимационного оборудования. Замыкал шествие землянин в зеленой форме Корпуса Мониторов. Пройдя по палате такой цепочкой, они выстроились полукругом около Хьюлитта.

Пять часов назад Хьюлитт вернулся с того света, но из-за этого не стал ни на йоту теплее относиться к инопланетянам.

– Какого черта? – спросил Хьюлитт. – Что вы теперь собираетесь со мной делать?

– Ничего такого, чего бы я не делал раньше, – ответил Старший врач таким тоном, который, вероятно, для другого мельфианина прозвучал бы подбадривающе. – Не волнуйтесь. Я возьму у вас еще немного крови для анализов. Пожалуйста, обнажите предплечье.

Интерн-кельгианин бросил взгляд на коллегу-кельгианку. Серебристая шерсть у той вздыбилась иголочками. Она подвезла реанимационную тележку поближе к кровати и процедила:

– Если вы не станете ничего делать, пациент Хьюлитт, то и нам ничего делать не придется.

За время своих непродолжительных разговоров с пациентом-кельгианином, занимавшим соседнюю кровать, Хьюлитт узнал, что уж чего кельгиане делать не умеют, так это лгать. Другой кельгианин по движениям серебристой шерсти сородича всегда мог догадаться, о чем тот думает и что чувствует. Что-то вроде зрительской телепатии. Значение слов кельгиане воспринимали с трудом и понятия не имели о том, что такое тактичность, вежливость, дипломатия и медицинская этика.

Хьюлитт снова ощутил, как к его коже прикасается крошечный металлический кружочек. Медалонт пояснил:

– Инструмент, который сейчас прикасается к вашей коже, содержит одну тончайшую короткую иглу. Вы не почувствуете, как она пронзит вашу кожу. Вторая игла немного длиннее и толще. Через первую иглу поступает анестезирующее средство, лишаящее чувствительности близлежащие нервные окончания, а через вторую производится отсасывание крови. Вот так, хорошо. Благодарю вас, пациент Хьюлитт. Как вы себя чувствуете?

– Отлично, – ответил Хьюлитт. – А как я должен себя чувствовать?

Медалонт сделал вид, что не расслышал его вопроса, и опять спросил:

– Не отмечаете ли каких-либо перемен чувствительности, сколь-либо незначительных, в каких-нибудь частях тела?

– Нет, – ответил Хьюлитт.

– Не испытываете ли неприятных ощущений в груди или руках? – продолжал допытываться Медалонт. – Затруднения дыхания? Нет ли покалывания или онемения в конечностях? Головной боли?

– Нет, – покачал головой Хьюлитт, – только в том месте, откуда вы брали кровь, небольшое онемение. Точно так же, как в прошлый раз.

– Дело в том, что любые симптомы плохого самочувствия, пусть даже самые незначительные, могут быть предвестниками серьезного ухудшения. Уверяю вас, симптомы могут быть настолько слабо выраженными, что вам может показаться, будто бы вы их воображаете.

– Насколько я могу судить, – ответил Хьюлитт, с трудом скрывая раздражение, – у меня нет никаких незначительных воображаемых симптомов.

Землянин в зеленой форме улыбнулся, но ничего не сказал.

– Может быть, вы ощущаете какие-либо нефизические симптомы? – упорствовал Медалонт. – Волнение? Страх? Может быть, эти ощущения могут стать настолько выраженными, что вызовут стресс на физическом уровне? Я понимаю, что вторгаюсь в сферу лейтенанта Брейтвейта, но...

– Вторгаетесь, – прервав Медалонта, подтвердил землянин, – но не смущайтесь. В мою сферу вторгаются все без исключения.

Но прежде чем Старший врач сумел возобновить опрос, Хьюлитт ответил:

– Если вас интересует, взволнован ли я, – да, я взволнован, очень взволнован. До тех пор, пока я не угодил сюда, у меня ни разу в жизни не было сердечных приступов. Между тем я не чувствую себя настолько плохо, чтобы у меня от страха начался новый приступ.

– А перед первым приступом вы ощущали испуг? – поинтересовался Медалонт.

– Нет, я просто был сонный и расслабленный, – огрызнулся Хьюлитт. – А вот теперь мне страшно.

– На этот раз мы не позволим произойти ничему подобному, – заверил его мельфианин. – Так что не бойтесь.

Все умолкли – молчание затянулось. Тело Летвичи медленно ворочалось внутри хлорсодержащей оболочки, речевая мембрана худлярианки не шевелилась, шерсть кельгианки ходила высокими волнами, словно ее шевелил невидимый ветер, ее партнер-нидианин возился с оборудованием для реанимации, Медалонт каждые несколько секунд шелкал клешней, что напоминало стук метронома. Первым заговорил Старший врач:

– Старшая сестра, будьте добры, расскажите мне еще раз, сколько времени прошло от момента первого взятия крови у пациента до того, как его монитор начал подавать сигналы тревоги, и опишите все, что случилось потом.

– Ради того, чтобы пощадить чувства пациента, – изрекла Летвичи, – который, судя по всему, кое-что понимает в медицине, мне представляется, что эти сведения лучше при нем не сообщать.

– А мне, – возразил Медалонт, – представляется, что чем полнее будет осведомленность пациента, тем скорее он поймет свое состояние. Прошу вас, Старшая сестра.

– Примерно через двенадцать с половиной минут после того, как вы взяли у пациента кровь на анализ и ушли, – проговорила Летвичи тоном столь же зловредным, сколь и хлор, которым она дышала, – монитор пациента зарегистрировал критическое состояние. Десять секунд спустя жизненно важные параметры исчезли, а сенсорные реакции и мозговое кровообращение были близки к полному исчезновению. Сестринский персонал находился за пределами поста и занимался раздачей обеда, поэтому я предпочла не тратить даже те несколько секунд, которые потребовались бы для передачи информации другим сотрудникам. Судя по стабильности состояния пациента, резонно было с моей стороны предположить, что произошел не сердечный приступ, а имела место неисправность оборудования. Когда сорок секунд спустя я уже была рядом с пациентом и начала производить непрямой массаж сердца, пациент потерял сознание и оставался в таком состоянии до прибытия реанимационной бригады, которая приступила к работе шесть и одну четверть минуты спустя...

– Вы в этом уверены. Старшая сестра? – вмешался Медалонт. – Вы сильно волновались и могли преувеличить. Шесть минут – слишком долго для реаниматоров.

– Пациент Хьюлитт также слишком долго никакой реакции не давал, – парировала Летвичи. – А я, пока делала массаж, посматривала на часы. Палатные часы к преувеличениям не способны.

– Старшая сестра права, – встрял нидианин, искоса взглянув на свою коллегу-кельгианку. – Правы и вы, доктор. В принципе, такое время до прибытия на место реаниматоров считается непростительно продолжительным. Но по пути сюда у нас было ЧП... мы налетели

на тележку, которую работники столовой не успели отвезти в сторону. Несчастного случая не произошло – только посуда с едой разлетелась по всей палате...

– Пациент Хьюлитт, – добавила кельгианка, – выбрал не слишком удобное время для сердечного приступа.

– Несколько минут нам пришлось потратить на проверку оборудования на предмет возможной поломки, – продолжал нидианин. – Сами понимаете, разряд, от которого бы заработало остановившееся сердце тралтана, наверняка бы изжарил сердце землянина...

– Да-да, – поторопился согласиться Медалонт. – Через шесть с половиной минут вы реанимировали пациента. Какую степень помрачения сознания, какие изменения в речи вы отметили после того, как пациент вернулся в сознание?

– Мы не наблюдали никаких отклонений, – ответил нидианин. – Мы не реанимировали пациента. Это удалось сделать Старшей сестре Летвичи еще до того, как мы успели установить аппаратуру. Никакого помрачения сознания у пациента не отмечалось. Первые сказанные им слова заключались в том, что он попросил Старшую сестру перестать колотить его по груди, иначе она раздавит ему ребра. Слова звучали членораздельно, внятно, ну разве что несколько неуважительно.

– Прошу прощения, – вмешался Старший врач. – А я так понял, что пациент пришел в сознание благодаря вашим стараниям. Отличная работа, Старшая сестра. Надеюсь, пациент не повел себя чересчур невежливо?

– Меня обзывали и похуже, – буркнула Летвичи. – К тому же его реакция меня больше обрadowала, нежели обидела.

– Вы правы, – заметил Медалонт и, обратившись к кельгианке, попросил:

– Пожалуйста, продолжайте.

– Когда стало ясно, что пациент Хьюлитт в ясном сознании, – отозвалась кельгианка, – мы вместе со Старшей сестрой стали задавать ему вопросы, направленные на то, чтобы установить, пострадало ли у него мозговое кровообращение. Этим мы занимались до тех пор, пока не появились вы и не стали задавать ему те же самые вопросы. Остальное вам известно.

– Да, – подтвердил Старший врач. – Во время опроса, длившегося около двух часов, никаких признаков потери памяти или нарушений речи у пациента выявлено не было, как и нарушений координации движений. Монитор пациента Хьюлитта регистрировал, как и сейчас, оптимальные параметры всех жизненно важных показателей...

– А теперь, – заметила Летвичи, красноречиво взмахнув каким-то выростом внутри облочки в сторону палатных часов, – прошло семнадцать минут, а не двенадцать с половиной, как после первого взятия крови, и пациент, как видите, жив.

Пока медики беседовали, Хьюлитт пытался придумать, как ему извиниться перед Старшей сестрой и поблагодарить ее за спасение. Но когда до него дошло значение того, о чем только что сказало это тошнотворное создание, всякие мысли о благодарности тут же вылетели у него из головы.

– Что тут происходит! – взорвался Хьюлитт. – Вы что, просто стоите и ждете, когда у меня начнется очередной сердечный приступ? Или вы разочарованы тем, что приступа нет?

Наступила пауза. Все замерли, кроме сестры-худларианки – та протянула к Хьюлитту щупальце и сразу же опустила его. Затем Медалонт изрек:

– Мы не разочарованы, пациент Хьюлитт, но в остальном вы верно оценили ситуацию. Сердечный приступ мог быть чем-то спровоцирован. Возможно, он произошел из-за того, что я взял у вас пробу крови, хотя такая вероятность и ничтожна. Несмотря на то, что я отказался от введения вам каких-либо лекарственных средств, я все же решил, что маленькая доля обезболивающего, которое, как правило, вводится перед взятием крови, вам не повредит. Время проявления первичной реакции нужно искать в другом, если только... Пациент Хьюлитт, ваши кожные покровы меняют интенсивность окраски. Как вы себя чувствуете?

«Так, что мне хочется вас на части разорвать», – подумал Хьюлитт, а вслух проговорил:

– Прекрасно, доктор.

– Что и подтверждает монитор, – прокомментировала Летвичи.

– В таком случае, – заметил Медалонт, обведя взглядом всех по очереди, – продолжайте наблюдения за монитором, разместите реанимационную бригаду в двух минутах пути от пациента и дайте ему отдохнуть перед обедом. Ничего не бойтесь, пациент Хьюлитт, мы непременно выясним причину вашей болезни и вылечим вас. А сейчас мы вас покинем.

– Не совсем, – поправил Медалонта Брейтвейт. – Мне бы хотелось немного побеседовать с пациентом.

– Как вам будет угодно, лейтенант, – сказал Старший врач и удалился, а вместе с ним – нидианин и кельгианка. Летвичи и медсестра-худлярианка задержались.

– Вам не следует делать ничего такого, что растревожило бы моего пациента, – непрекаемо, как это умеют делать только Старшие сестры, заявила илленсианка. – Кроме того, вам не следует ни о чем спрашивать пациента и говорить ему что-либо такое, что могло бы спровоцировать новую критическую ситуацию.

Лейтенант Брейтвейт перевел взгляд с язвительно-ехидной хлородышащей медсестры на внушительную фигуру худлярианки и снова посмотрел на илленсианку.

– Сестры, – вздохнул он, – уверяю вас, я бы на такое не осмелился ни за что на свете.

Как только они с Хьюлиттом остались наедине, Брейтвейт сел на край кровати и сказал:

– Моя фамилия Брейтвейт, я сотрудник Отделения Психологии. Мне очень приятно беседовать с тем, у кого нормальное количество рук, ног и всего прочего.

Хьюлитту все еще хотелось кого-нибудь отколотить или как минимум хорошенько выругать, но пока Брейтвейт не сказал и не сделал ничего такого, чтобы с ним драться или ругаться. Пока. Так что Хьюлитт устремил взгляд в сторону сестринского поста, где маячила фигура Летвичи, и поджал губы.

– О чем вы думаете? – спросил Брейтвейт, когда пауза слишком затянулась. Улыбнувшись, он добавил:

– Вы ведь именно такого вопроса от меня ждали?

– А вы меня не назвали, как все прочие, «пациентом Хьюлиттом», – заметил землянин, повернув голову к своему соотечественнику. – Это вы нарочно или потому, что считаете, что со мной настолько все в порядке, что я и не заслуживаю, чтобы меня называли «пациентом»? Или вы забыли мою фамилию?

– А вы тоже не называйте меня ни лейтенантом, ни Брейтвейтом, – парировал психолог, и вновь повисла пауза.

Наконец Хьюлитт решился.

– Ладно, – проворчал он, – валяйте со своими вопросами. На первый я отвечу так: я думаю о кошмарной Старшей сестре и гадаю, как бы мне сказать ей о том, что я виноват перед ней и благодарен ей за то, что она спасла мне жизнь.

Брейтвейт понимающе кивнул:

– Ну, вы найдете для этого верные слова. Вам только нужно сказать их Летвичи, а не мне.

Почему-то Хьюлитт уже перестал злиться на этого человека.

– Вы ведь здесь для того, – сказал он, – чтобы попытаться убедить меня в том, что все мои беды – у меня в голове, верно? Мне такое уже говорили раз сто, поэтому давайте не будем тратить время на любезности. Хорошо?

– Нет, – ответил Брейтвейт. – Я твердо намерен потратить некоторое время на любезности.

Лейтенант пересел поближе к Хьюлитту и наклонился к нему. Хьюлитт ощутил на лице дыхание Брейтвейта. Тот спросил:

– Вы не против того, что я здесь сижу? Может быть, мне было бы лучше отодвинуться или встать?

– Я не люблю, когда ко мне близко подходят инопланетяне, – объяснил Хьюлитт. – Сидите, пожалуйста, только не у меня на ногах.

Брейтвейт кивнул. Вежливый и, казалось бы, невинный вопрос позволил ему установить, что пациента не тревожит непосредственная близость другого человека. Значит, кое-каких препон уже удалось избежать. Богатый опыт Хьюлитта подсказывал ему, чем занимается Брейтвейт, а лейтенанту, видимо, хватало ума понять, что пациенту это ведомо.

– Мы оба понимаем, что случай у вас непростой, – заговорил психолог, глядя на экран монитора. – Выглядит все так, словно вы совершенно здоровы, но при этом время от времени страдаете от заболевания, которое, если судить по вашему недавнему сердечному приступу, может угрожать вашей жизни. Кроме того, нам известно, что серьезные клинические заболевания способны отражаться на психике, и наоборот – даже тогда, когда, казалось бы, как в вашем случае, явной связи между ними и не прослеживается. Мне же хотелось бы таковую связь найти – в том случае, конечно, если она существует.

Выждав, когда Хьюлитт устало кивнул, Брейтвейт продолжил:

– Как правило, к нам в госпиталь поступают больные или раненые. Их проблемы и клинические решения этих проблем чаще всего видны сразу. К услугам медиков в нашем госпитале – все последние достижения медицинской мысли Федерации, предназначенные для терапии и хирургии, и в большинстве случаев пациенты вскоре возвращаются домой в добром здравии. Но в тех случаях, когда заболевание сопровождается психологическим компонентом...

– Вы прибегаете к услугам собственного языка, – кончил за Брейтвейта фразу Хьюлитт.

– Большей частью к услугам ушей, – поправил его психолог, никак не ответив на издевку. – Надеюсь, что в ближайшее время разговаривать будете в основном вы. Прошу вас, постарайтесь припомнить какие-нибудь необычные события или обстоятельства, сопутствовавшие первому проявлению симптомов вашей болезни. Скажите мне, что вы в подобных ситуациях думали ребенком в отличие от того, что со временем стали думать по этому поводу доктора и родственники. Ну, давайте. Вы будете говорить, а я – слушать.

– Вы хотите, чтобы я рассказал вам все-все о том времени, когда я еще не был болен? – уточнил Хьюлитт. Глянув в сторону палатной кухни, откуда то и дело выскакивали медсестры, нагруженные подносами с едой, он добавил:

– Но сейчас не время... я хотел сказать, что сейчас время обеда.

Брейтвейт огорченно вздохнул.

– Мне бы хотелось завершить беседу с вами как можно скорее, пока Медалонт, ваш лечащий врач, имеющий на то полное право, не назначил вам какого-нибудь срочного курса. Не будете ли так любезны и не закажете ли и для меня обед? Ничего такого особенного – пусть принесут то же самое, что и вам.

– Но ведь вы – не пациент, – возразил Хьюлитт. – Не далее как вчера я слышал, как Старшая сестра Летвичи выговаривала одному интерну. Она ругала его, обзывала «ленивым скрассугом» – что бы там это ни значило – и велела отправляться в столовую для сотрудников вместо того, чтобы таскать еду из палатной кухни. Не думаю, чтобы Старшая сестра и вам позволила есть тут.

– Старшая сестра позволит, – заверил Хьюлитта лейтенант. – Если вы попросите ее подойти и скажете, что у вас к ней важное дело. После разыгравшейся здесь пять часов назад медицинской мелодрамы она не рискнет вам отказать. Когда она появится, вы ей скажете то, что хотели, как вы сожалеете о своей грубости по отношению к ней и как вы ей благодарны за спасение. А потом скажете, что считаете нашу беседу крайне важной для своего здоровья, и спросите у Летвичи, нельзя ли устроить так, чтобы мне тоже подали еду, дабы наш разговор не прерывался.

Илленсиане пользуются большим авторитетом у сотрудников, – пояснил Брейтвейт, – из-за своего профессионализма. Пациенты же их не очень жалуют – скорее всего из-за того, что короткое пребывание в стенах госпиталя не позволяет им по достоинству оценить илленсиан. А все из-за того, что илленсиане – единственные хлородышащие существа в федерации и при этом – далеко не красавцы. Но если вы последуете моему совету, Летвичи будет так удивлена, что не посмеет вам ни в чем отказать.

Мгновение Хьюлитт не мог произнести ни слова. Наконец он с восхищением выдал:

– Лейтенант, вы – самоуверенный, хитрый и расчетливый су... скрассугов сын.

– Конечно, – усмехнулся Брейтвейт. – Я же психолог как-никак.

От мысли о том, что сейчас ему надо будет позвать монстроподобную Летвичи, Хьюлитта бросило в жар.

– Д-да, – пробормотал он, – я и в правду собирался сказать ей нечто в этом роде, но... попозже. Мне нужно лучше с мыслями собраться.

Брейтвейт улыбнулся и показал на коммуникатор.

Глава 7

Первое и самое яркое воспоминание о необычном происшествии в жизни Хьюлитта относилось к тому времени, когда ему было четыре года. Это произошло через несколько дней после празднования его дня рождения. Родители трудились за домашними компьютерами и радовались тому, что не мешают друг другу – мать полагала, что за ребенком присматривает отец, и наоборот. Оба были уверены, что заметят, если малыш вдруг выйдет из детской.

По идее, никаких забот маленький Хьюлитт родителям и не должен был доставить. Он тоже возился с собственным компьютером – играл, рисовал на экране картинки. Компьютер, снабженный новейшей образовательной программой, ему подарили на день рождения. Но в тот день ему стало скучно. Обучающая игра оказалась запинкой на пути к игре приключенческой, а открытое окно сулило небывалые приключения в саду.

Кроме того, родители Хьюлитта зря думали, что их сын не сумеет забраться на окно, а также они зря полагались на то, что их сад, тоже в значительной степени прискучивший ребенку, обнесен надежным забором.

За забором сада начинался незнакомый, очень интересный мир, но мир опасный, чего в ту пору маленький Хьюлитт еще не знал. Окрестности были опустошены во время гражданской войны, итогом которой стало то, что население планеты сбросило межзвездное правительство. Это правительство проиграло войну, в которую само же и втянуло население. Война унесла жизни многих на Этле. Некоторые из полуразрушенных домов отремонтировали, и там поселились консультанты с других планет или специалисты по восстановлению разрушенного войной хозяйства – такие, как родители Хьюлитта.

Ремонт старых домов и их заселение были начаты после того, как территорию самым тщательным образом прочесали с помощью сканеров и удалили с нее действующее оружие и боеприпасы. А полуразбитые машины остались там, где валялись. И разрушенные дома, и остатки машин заросли дикими растениями – эти-то побеждают в любом сражении. В тот день сражение должен был выиграть один маленький мальчик.

Он пробирался сквозь высокую траву, которой, казалось, заросла вся округа, весело топал между деревьями и кустами, перелезал через выломанные плиты дорожного покрытия и вскоре забрался в один из разрушенных домов. Дом успели облюбовать для жилья какие-то маленькие пушистые зверьки, которые тут же разбежались в разные стороны, только один из них – с длинным толстым хвостом – забрался на стропила и долго верещал на мальчика. Тот почел за лучшее уйти из заброшенного дома. Жилые дома Хьюлитт старательно обходил стороной, потому что знал: там могут жить не только люди. Однажды родители взяли его с собой на прогулку за пределы сада и рассказали, что по соседству живут неземляне и что хотя взрослые никогда не станут нарочно обижать мальчика, но вот детишки в своих играх непредсказуемы и могут быть опасны.

Родителям даже не пришлось напоминать Хьюлитту о том случае, когда он учился плавать в общем бассейне и его ровесник-мелфианин, решив, что Хьюлитт тоже амфибия, как и он сам, взял, да и утянул его играть на самое дно. С тех пор Хьюлитт боялся инопланетян как огня, невзирая на их форму, размеры и возраст, и изо всех сил старался к ним близко не подходить.

Между тем мест для исследования хватало и без чужих садов, где скорее всего играли в свои ужасные игры кошмарные соседские дети. Повсюду, куда бы ни бросил взгляд малыш-землянин, на глаза ему попадались искореженные остовы военных машин, разбавлявшие залитую солнцем зелень растений ржавыми пятнами. Но не все машины выглядели разбитыми. Некоторые из них казались совершенно целыми и готовыми в любой миг тронуться с места. Кое-какие из них лежали на боку, одна машина была перевернута вверх тормашками. У боль-

шинства машин дверцы были открыты, а в некоторых зияли дыры, размерами превышавшие любые дверцы. Хьюлитт попробовал было пролезть в одну такую дыру, но у нее оказались острые, зазубренные края, и он только изорвал рубашку. Наконец он разыскал машину, у которой орудийный ствол наклонился так низко к земле, что мальчик, ухватившись за него, смог даже немного повисеть. Одна из гусениц машины отвалилась и лежала на земле, похожая на заржавевшую ковровую дорожку, заросшую травой и цветами. В некоторых машинах устроили себе жилища небольшие зверушки, но, как только к ним приближался Хьюлитт, они бросались врассыпную. А в одной машине громко жужжали какие-то насекомые, и мальчик туда забираться не рисковал: он понимал, что его могут ужалить.

А потом он нашел машину, внутри которой не оказалось ни зверьков, ни насекомых. В открытые люки лился солнечный свет, и Хьюлитт разглядел в глубине сиденье, повернутое к приборной доске и экранам. Сиденье оказалось мягким и грязным и таким большим, что Хьюлитту, для того чтобы дотянуться до рычагов, пришлось усесться на самый краешек. Все в кабине машины было покрыто ржавчиной, кроме запыленных пластиковых рукояток. Для того, чтобы посмотреть, какого цвета эти рукоятки, мальчику пришлось стереть с них пыль. Но ни ржавчина, ни пыль, которой вскоре успели запачкаться рубашка и штанишки малыша, вовсе не помешали ему вести воображаемые сражения. В настоящей боевой машине сидел настоящий боец, и экран перед ним заполняли придуманные им яркие картины: вражеские танки и звездолеты, которые полыхали ярким пламенем, стоило только Хьюлитту взорвать их. Ведь его танк был самым могучим, самым секретным и самым неуязвимым. Он слышал, как мать и отец говорили о таких временах, когда и вправду случались подобные сражения, вот только родителям эти битвы почему-то не казались ни волнующими, ни интересными. Судя по тому, как родители отзывались о войне, выходило, что воевать могут только больные или ненормальные.

Но теперь Хьюлитт палил во все, что только мог себе представить: в бомбардировщики, звездолеты, ужасных воинов-инопланетян, наступавших на него из-за деревьев, и радостно вопил, когда в ясном небе взрывались чужие машины или замертво падали страшилища инопланетяне. Рядом с Хьюлиттом не было родителей, которые запретили бы ему орать во всю глотку или стали бы увещевать его, объясняя, что внутри неживых машин находятся живые существа, пусть даже машины придуманные, и что не важно, в каких чудовищ он палит, главное, что они живые.

Некоторые из соседей Хьюлиттов и вправду были чудовищами – по крайней мере казались такими мальчику. Родители говорили, что, если бы кто-то из соседей заглянул к ним в дом в то время, как их дитя беззастенчиво расстреливало таких, как они, они бы очень сильно обиделись и сочли бы Хьюлиттов нецивилизованными и больше никогда бы к Хьюлиттам не зашли. Взрослые – немыслимо скучный народ.

Мало-помалу воображение мальчика иссякло. Солнце уже ушло, внутренности машины и ржавые детали из красноватых стали почти черными. Конечно, это глупо, но Хьюлитт вдруг задумался о том, кому некогда принадлежал танк, и о том, что случится, если хозяин вернется и обнаружит здесь чужака. Встречу он вообразил настолько ярко, что пулей вылетел из танка, еще больше разорвав при этом штанишки.

Солнце спряталось за деревья, но небо пока было синим и безоблачным. По соседству Хьюлитт не увидел ничего особо достойного внимания и, кроме того, почувствовал, что проголодался. Пора возвращаться домой – влезть в окно и попросить у матери поесть. Но во все стороны от мальчика простирались трава и деревья.

Когда он влез на крышу самой высокой машины, окрестности стали видны гораздо лучше. Неподалеку мальчик разглядел высокое дерево, стоявшее на краю глубокого оврага. У дерева было много толстых кривых пушистых веток, опускавшихся почти до самой земли. А у

самой верхушки ветки были потоньше, и на них висели какие-то плоды. Хьюлитт решил, что с верхушки этого дерева он уж точно увидит свой дом.

«Это ведь тоже приключение – уговаривал себя мальчик, взбираясь на дерево, – только теперь самое настоящее, не выдуманное». Очень хотелось есть, страшно не было, просто немножко одиноко, поэтому больше всего хотелось поскорее вернуться домой, где он мог бы наконец поесть и доиграть в прерванную игру. Хьюлитт время от времени посматривал вниз, на дно оврага, где стояло еще несколько боевых машин. Одна из них, круглая и толстая, – прямо под ним. Наконец мальчик выбрался из густых ветвей наверх, где светило солнце, и у него закружилась голова. В овраге резко потемнело. У Хьюлитта все поплыло перед глазами. Что самое обидное, он и с верхушки дерева не увидел никаких домов. Теперь ему не заслоняла округу высокая трава, но ее сменили деревья, чуть пониже того, на которое он залез. Хьюлитт стал взбираться еще выше. А потом все произошло одновременно: он добрался до того места, где на ветках висели плоды, и увидел свой дом. Дом оказался куда ближе, чем он думал. По пути от того дерева, на которое влез Хьюлитт, до дома стояло примечательное деревце со смешными ветками. Можно было бы сразу спуститься, но мальчик так устал, ему было так жарко, так хотелось пить и есть, а рядом, слегка покачиваясь на усиливавшемся ветру, с веток свисали соблазнительные фрукты.

«В конце любого великого приключения, – вспомнил Хьюлитт, – героя всегда ждет награда», и еще он решил, что наградой для него станут фрукты.

Ветка, на которой он сидел, была прочной и толстой. Переберешься вон на тот сук и дотянешься до плодов. Усталость как рукой сняло. Мальчик пополз по ветке, хватаясь за ближайшие сучки, чтобы не упасть. Солнце опускалось все ниже за деревья. Теперь Хьюлитт с трудом видел нижние ветви, а овраг внизу и вовсе превратился в темно-зеленую зыбь. Он перестал смотреть вниз. Ветки с фруктами уже были почти у него над головой.

Он дотянулся до первого и сорвал его, но плод тут же лопнул у него в руке. Со вторым он поступил более осторожно и ухитрился сорвать целиком.

По виду плод напоминал большую грушу – такие Хьюлитт видел на видеолентах, посвященных земной растительности, – и был красиво окрашен: сверху вниз по нему струились желто-зеленые полоски. Судя по тому, как легко лопнул первый плод, фрукты были очень сочными. Тот, который он теперь сжимал в пальцах, казался мальчику надувным шариком, наполненным жидкостью. Вылившийся из первого плода сок уже успел высохнуть и оставил на пальцах малыша ощущение приятной прохлады. Хьюлитт поглядел на руку и увидел, как, высыхая, последнее пятнышко сока как бы едва заметно дымит.

Конечно, Хьюлитт был очень голоден и предпочел бы съесть что-нибудь более питательное, чем этот фрукт, но он был так разгорячен, что совсем не возражал против нескольких глотков прохладного сока. Покрепче обхватив ногами ветку, он изо всех сил сжал плод обеими руками.

Сок оказался очень интересным на вкус – не слишком приятным, но и не отвратительным. Не желая забрызгаться с ног до головы, Хьюлитт прокусил в плоде маленькую дырочку и высосал весь сок. Когда же он пальцем расковырял дырочку пошире, то убедился, что плод состоит не только из, кожуры и сока: внутри помещалась мягкая желтая губчатая масса, а в самой серединке – черные семечки. Семечки Хьюлитт выплюнул – они оказались жгучими на вкус, а желтая масса вкусом не отличалась от сока, и он сжевал ее, чтобы хоть немного прогнать чувство голода.

Понравился Хьюлитту фрукт или нет, он так и не понял. Он задумался о том, не съесть ли еще один, но тут у него заболел живот и с каждым мгновением боль все усиливалась и усиливалась.

Вот тут впервые с того времени, как Хьюлитт ушел из родительского дома, ему стало страшно и захотелось обратно. Он стал, пятясь, подбираться по ветке к стволу, чтобы оттуда

спуститься пониже, но боль стала такой мучительной, что он не сдержался и громко закричал. Слезы застилали ему глаза, и он не видел, куда ползет. Вдруг желудок скрутил такой жуткий спазм, что мальчик, забыв обо всем, прижал обе руки к животу и почувствовал, что валится набок. Несколько мгновений он провисел головой вниз, цепко держась за ветку ногами, но, когда попробовал подтянуться, боль сковала его живот с новой силой, и он ни о чем, кроме нее, не смог думать. А потом он понял, что падает.

Мимо него замелькали листья – то озаренные лучами солнца, то омраченные тенью. Он чувствовал, как ветки больно бьют по спине, рукам и ногам, а потом вдруг все потемнело, и удары прекратились. Куда он упал, он понял, когда ударился спиной о крутой склон оврага и кувырком покатился вниз. Удары по спине, рукам и ногам возобновились. Все тело теперь болело почти так же сильно, как и живот. А потом Хьюлитт ударился боком и головой обо что-то, проломившееся под его весом, и потерял сознание.

Проснулся он от шума голосов. Два голоса принадлежали его родителям. По темному дну оврага сновал яркий луч фонаря. Луч осветил фигуру какого-то взрослого человека в форме Корпуса Мониторов, летевшего к мальчику с помощью антигравитационного пояса. Родители и несколько инопланетян спускались на дно оврага, как попало, хватаясь за землю кто чем мог. Человек в форме Корпуса Мониторов опустился рядом с Хьюлиттом и встал на колени.

– Так вот ты где, молодой человек, – сказал мужчина. – Ну и натворил же ты дел! Но прежде всего скажи мне, где у тебя болит?

– Сейчас не болит, – ответил мальчик, прижав руку к животу, а потом пощупав висок. – Сейчас уже нигде не болит.

– Отлично, – кивнул мужчина, вынул из сумки на плече плоский приборчик с крошечным подсвеченным экраном и принялся водить им над головой, руками и туловищем Хьюлитта.

– Я поел там на дереве каких-то фруктов, – объяснил Хьюлитт, поняв, что перед ним врач. – У меня от них живот заболел, а потом я упал.

– Дерево очень высокое, – проговорил врач точно таким же тоном, каким папа Хьюлитта говорил всегда, когда собирался рассказать что-то очень длинное и скучное. – А теперь опусти руку и не двигайся до тех пор, пока я не закончу сканирование. Скажи мне, пожалуйста, а с тех пор, как ты упал, ты засыпал хоть раз?

– Да, – ответил мальчик, – но долго я спал или нет, не знаю. Когда я упал, солнце садилось. А вы меня разбудили.

– Стало быть, проспал ты четыре, а то и пять часов, – озабоченно пробормотал врач. – Сейчас я помогу тебе сесть, а ты мне скажешь, будет ли где-нибудь больно, ладно? Я хочу сканировать твою голову.

Теперь сканер медленно путешествовал вдоль висков, макушки и затылка мальчика. Затем врач убрал прибор в сумку и встал. Тут как раз подбежали родители Хьюлитта. Мать бросилась к мальчику и прижала его к себе так крепко, что у того перехватило дыхание. Мама плакала, а папа принялся его расспрашивать.

– Вашему сыну очень повезло, – негромко сообщил отцу врач. – Как видите, одежда на нем изодрана в клочья – наверняка играл в войну, лазил по сломанным машинам, а потом еще и по склону проехался. А на нем ни царапинки. Он мне сказал, что съел несколько фруктов с дерева пессенита – вон оно там, наверху. Он сказал, что после этого у него разболелся живот, что он упал с дерева и потерял сознание еще на закате. Я не собираюсь сейчас затевать спор с ребенком-фантазером, но вы сами подумайте: никаких желудочных расстройств – раз, он свалился с такой высоты, что неизбежно должен был получить синяки, ссадины и сотрясение мозга, а он целехонек – два, четыре часа он лежал без сознания, и тут уж никак не должно было обойтись без тяжелой травмы, а прибор молчит – это три.

Судя по его одежде, – добавил врач, – я мог бы скорее предположить, что он устал во время игры и просто-напросто уснул. Жалобы на боль в животе и рассказ о падении с дерева скорее всего рассчитаны на то, чтобы вызвать жалость у родителей и избежать наказания.

Мать перестала плакать и стала спрашивать Хьюлитта, действительно ли он себя хорошо чувствует, но мальчик изо всех сил прислушивался к голосу отца. Тот заверял врача: они с матерью и не собирались наказывать мальчика, они так рады, что нашли его.

– Дети порой уходят из дому и могут заблудиться, – заметил врач, – и иногда такие приключения заканчиваются намного печальнее. Мы отвезем ребенка домой на своей машине, но только потому, что он, видимо, пока еще очень слаб. Я загляну завтра и еще раз осмотрю его, хотя на самом деле никакой нужды в этом нет – он совершенно здоров. Этот молодой человек силен как бык, и с ним все в полном порядке...

Воспоминания покинули Хьюлитта. Тепло рук матери, зрелище залитого светом прожектора оврага и лицо болтливого врача исчезли и сменились знакомыми стенами седьмой палаты, где рядом с ним сидел уже другой человек в форме Корпуса Мониторов, сидел и молчал.

Глава 8

– Он думал, я вру, – процедил Хьюлитт, с трудом сдерживая злобу. – И родители так думали, сколько я ни пытался им рассказать о том случае. И вы мне не верите.

Лейтенант некоторое время молча смотрел на Хьюлитта, потом сказал:

– Если судить по тому, как вы мне сейчас рассказали об этом происшествии, то я вполне понимаю того врача – с точки зрения клиники и анатомии у него имелись веские причины полагать, что вы говорите неправду. Большинство людей медикам верят, поэтому ваши родители предпочли поверить профессионалу, а не своему ребенку, склонному к фантазиям, да и сколько вам тогда было – всего-то четыре года. Я, честно говоря, не знаю, кому или во что мне верить, поскольку меня там не было, а правда порой бывает весьма субъективна. Я верю, что вы верите, что говорите правду, но это совсем не то же самое, как если бы я верил, что вы лжете.

– А я вас не понимаю, – огрызнулся Хьюлитт. – Может быть, вы считаете меня лжецом, но не хотите сказать об этом прямо?

Пропустив вопрос Хьюлитта мимо ушей, Брейтвейт продолжал:

– Вы другим врачам рассказывали о падении с дерева?

– Да, – кивнул Хьюлитт. – Но потом перестал. Никого из них не интересовала эта история. А психологи, как и вы, считали, что все дело в моем воображении.

– Полагаю, – сказал Брейтвейт и улыбнулся, – психологи вас спрашивали о том, любили ли вы своих родителей, или нет, и если да, то насколько сильно. Прошу простить меня, но я тоже вынужден задать вам такой вопрос.

– Вы правы, – ответил Хьюлитт, – но понапрасну теряете время. Безусловно, бывали моменты, когда родители мне не нравились, – это происходило тогда, когда они мне в чем-то отказывали, когда бывали слишком заняты для того, чтобы поиграть со мной, и вместо этого заставляли меня делать уроки. Такое случалось нечасто – только в тех случаях, когда оба бывали заняты какой-нибудь срочной работой. И отец, и мать участвовали в работе отдела по Культурным Контактам, расположившегося на базе неподалеку от нашего дома. Оба они служили в Корпусе Мониторов, но форму надевали редко, потому что чаще всего работали дома. Но меня нельзя было назвать брошенным ребенком. Мама у меня была очень добрая, и я ее мог легко разжалобить. Отца обвести вокруг пальца удавалось не всегда, но если все-таки удавалось, то я чувствовал себя победителем. Дома обычно бывал кто-нибудь из них, и стоило мне покончить с уроками, как кто-то из родителей всегда занимался со мной. Но мне хотелось, чтобы они уделяли мне еще больше внимания. Может быть, так было из-за того, что я откуда-то знал или чувствовал, что я их скоро потеряю и что нам уже недолго осталось жить вместе. Мне их на самом деле очень не хватало. И теперь тоже.

Как бы то ни было, – продолжал Хьюлитт, встряхнув головой, словно попытался – увы, тщетно, – прогнать нахлынувшие воспоминания, – ваши коллеги-психологи решили, что я вел себя тогда как эгоистичный, расчетливый и вполне нормальный ребенок четырех лет.

Брейтвейт кивнул.

– Психологическая травма, равная потере обоих родителей в четырехлетнем возрасте, может надолго сказаться на психике ребенка. Они погибли в авиакатастрофе, а вы остались в живых. Что вы помните об этом несчастном случае, что вы думали о случившемся тогда и сейчас?

– Я помню все, – ответил Хьюлитт, всей душой желая, чтобы его собеседник перешел на менее болезненную тему. – Я тогда не сразу понял, что происходит, но понял потом, когда мы летели над лесом. Родители должны были присутствовать на совещании в городе, расположенном на другом краю Этлы, где произошли какие-то серьезные неполадки. Совещание должно было продлиться целую неделю, поэтому меня взяли с собой. Мы летели на высоте, нормаль-

ной для небольшого флайера, – пять тысяч футов. Прошло всего несколько минут, и мы задели верхушки деревьев. Мама сразу перебралась на заднее сиденье, где сидел я, весь обмотанный ремнями. Она обняла меня, прижала к себе, а папа все пытался сладить с управлением. Мы с силой ударились о деревья, и три ветки проткнули обшивку и часть фюзеляжа. Я выпал из кабины. Когда на следующий день нас разыскали, оказалось, что мои родители мертвы, а я – целехонек.

– Вам очень повезло, – негромко заметил психолог. – То есть если можно сказать, что ребенку, оставшемуся без родителей, повезло.

Хьюлитт молчал, и через несколько секунд Брейтвейт продолжил:

– Давайте вернемся к тому случаю, когда вы залезли на дерево или вообразили, что залезли, и к тем фруктам, которые вы тогда съели, после чего у вас сильно разболелся живот. Впоследствии – до и после авиакатастрофы подобные симптомы у вас случались?

– А с какой стати я буду вам отвечать на этот вопрос, – огрызнулся Хьюлитт, – если вы мне все равно не верите и думаете, что я все выдумываю?

– Если вас это хоть сколько-нибудь утешит, – признался Брейтвейт, – я пока еще ничего для себя не решил.

– Ну, тогда ладно, – вздохнул Хьюлитт. – В первые несколько дней после того, как я упал с дерева и скатился в овраг, меня всякий раз после еды тошнило, но до рвоты дело не доходило. Потом, со временем, тошнить перестало. Эти ощущения возобновились через некоторое время после того, как я переехал на Землю, но думаю, что это скорее всего объяснялось переменами в питании и способах приготовления пищи. Ни на Этле, ни на Земле врачи не установили причину моей тошноты, и тогда впервые прозвучала фраза насчет «психологического компонента». Долгие годы я не испытывал подобных ощущений, и они вернулись только на борту «Тривендара», когда я отведал синтетической еды. Но там же, на корабле, симптомы пошли на убыль. Наверное, все дело в моем воображении.

Брейтвейт проигнорировал саркастический вывод пациента и сказал:

– Вам действительно хотелось бы думать, что все дело в вашем воображении, или вам не хотелось бы быть ни в чем уверенным? Прошу вас, не торопитесь с ответом.

– Если я что-то выдумываю, – отчеканил Хьюлитт, – мне бы не хотелось быть единственным, кто этого не знает.

– Честно сказано, – похвалил его Брейтвейт. – А насколько хорошо вы помните то дерево, на которое, как вы говорите, забрались на Этле, и как выглядели его плоды?

– Помню отлично, мог бы нарисовать, – откликнулся Хьюлитт. – Если бы я был художником. Хотите, чтобы я попробовал?

– Нет, – покачал головой психолог. Он наклонился, дотянулся до коммуникатора и быстро набрал на пульте какой-то номер. Когда на экране засветилась эмблема Главного Госпиталя Сектора, Брейтвейт произнес:

– Библиотека, немедицинская, вербальный запрос, с выдачей визуального и вербального материала, тема: бывшая Этланская империя, планета Этла-Большая.

– Ждите ответа, – отозвался холодный бесстрастный голос библиотечного компьютера.

Хьюлитт, очень удивленный, протянул:

– Вот не знал, что можно связаться с библиотекой по этой штуковине. Я-то думал, что могу по ней говорить только с сестринским постом и смотреть развлекательные каналы.

– Без определенных кодов доступа вы этого сделать не сумеете, – пояснил Брейтвейт. – Но если вам когда-нибудь все нестерпимо наскучит, думаю, я смогу такое для вас устроить. Но вот кода доступа к медицинской библиотеке вы, увы, получить не сможете. Когда врачи усматривают у пациента хотя бы самую незначительную степень ипохондрии, они считают, что его ни в коем случае нельзя подпускать к обширному банку данных бесчисленных симптомов.

Хьюлитт не сдержался – он расхохотался и сказал:

– Я их понимаю!

Брейтвейт собрался было что-то ответить, но тут заговорил библиотечный компьютер:

– Внимание. Информация по Этле точна, но страдает неполнотой. После крупномасштабной полицейской операции, предпринятой в отношении бывшей Этланской империи, и последующего вступления ряда планет в состав Федерации двадцать семь лет назад первоочередное значение придавалось социальной информации, а не сведениям по ботанике Этлы. В настоящее время ситуация стабилизировалась. Нативная разумная форма жизни имеет физиологическую классификацию ДБДГ. На Этле приветствуют прилеты граждан Федерации, принадлежащих к другим видам. Будьте любезны, обозначьте границы вашего запроса.

«Ничего себе, – подумал Хьюлитт, – крупномасштабная полицейская операция!» Между Этланской империей и Федерацией была тяжелейшая, но, к счастью, короткая война. Правящая верхушка спровоцировала эту войну для того, чтобы удержаться у власти и отвлечь внимание населения от своих промахов. Однако Корпус Мониторов существовал не для того, чтобы вести войны, а для того, чтобы поддерживать в Федерации мир, поэтому реакцию на этланское вторжение в дела почти целого сектора Галактики можно было и вправду счесть полицейской операцией. На планету вернулись мир и спокойствие, значит, можно было считать, что операция прошла успешно.

– Нативная этланская флора, – ответил компьютеру Брейтвейт, прервав циничные размышления Хьюлитта. – В частности, перечень всех крупных плодовых деревьев, высотой десять метров и выше, произрастающих в южной умеренной зоне. Прошу демонстрировать кадры с промежутками в двадцать секунд, пока не будет дана другая команда.

Хьюлитт неизвестно почему занервничал. Он смотрел на Брейтвейта, но только собрался раскрыть рот, как лейтенант покачал головой и сказал:

– Вы описали то дерево как очень высокое, но вы тогда были ребенком и оно могло всего лишь показаться вам высоким. Я счел за лучшее начать с десяти метров.

«Совсем как школьная программа по ботанике», – подумал Хьюлитт. Изображения деревьев сменяли друг друга, но сейчас они у него вызвали лишь раздражение. Большинство деревьев Хьюлитт раньше никогда не видел. Другие чем-то напоминали большие кусты, росшие за забором сада. Но вот это...

– Это оно! – воскликнул Хьюлитт.

– Задержать кадр. Выдать подробные сведения по дереву пессинит, – проговорил Брейтвейт в микрофон коммуникатора. Хьюлитту же он сказал:

– Оно действительно похоже на описанное вами дерево: толстые корявые ветви, а наверху – четыре ветки потоньше с гроздьями плодов. Цвет листвы соответствует концу лета – то есть как раз тому времени года, когда вы взобрались на дерево. Библиотека, прошу выдать при большом увеличении изображение плодов дерева в разное время года.

Несколько минут Хьюлитт наблюдал за тем, как плод из зеленой завязи превращается сначала в небольшой темно-коричневый шарик, из которого затем вызревает в желто-зеленую полосатую грушу. Зрелище оказалось настолько ярким, что он вспомнил, как мучительно у него тогда скрутило желудок. Он так разволновался, что даже не расслышал, как компьютерный голос бормочет какую-то скучную информацию о плодах.

– Вот оно, – повторил он. – Это точно. Ну, теперь вы мне верите?

– Что ж... – протянул Брейтвейт, покачивая головой так, словно сам был не слишком уверен в своих сомнениях. – Теперь я понял еще одну причину, из-за которой вам тогда не поверил медик-монитор. А вы не слушали и кое-что упустили. Дерево начинает плодоносить только тогда, когда достигает высоты в пятнадцать – двадцать метров, а плоды всегда растут только на самых верхних ветках. Если дерево росло на краю обрыва и если вы упали с самой его верхушки, вы бы непременно сломали себе шею. А вы ведь оказались целехоньким.

Можно предположить, конечно, что, покуда вы падали, ударяясь о нижние ветки, они смягчали и замедляли ваше падение. Можно также представить, что, прежде чем вы покатались вниз по склону на дно оврага, вы упали в какой-нибудь ветвистый куст. Бывали и более странные случаи. Этим может объясняться то, почему вы, разумный и вроде бы уравновешенный человек, так упорно настаиваете на своей невероятной истории. Но вы ведь не только упали с дерева, пациент Хьюлитт. Вы сделали еще кое-что. Прошу вас, помолчите и послушайте.

В наступившей тишине голос компьютера звучал ясно и, пожалуй, даже слишком громко.

"Когда плоды созревают, – вещал компьютер, – губчатая пульпа впитывает в себя сок и разрастается внутри полосатой кожуры, которая перед самым созреванием становится гибкой и эластичной. Когда полужидкий, наполненный губчатой массой плод ударяется о землю, он скачет или катится по земле до тех пор, пока химические сенсоры плода не улавливают, что плод нашел почву, пригодную для прорастания. Затем кожура, контактирующая с почвой, разлагается, позволяя губчатой пульпе излить сок в почву, после чего туда поступают семечки. Затем начинает разлагаться и сама пульпа. При этом преследуются сразу две цели: во-первых, гниющая губчатая масса удобряет почву рядом с семенами, а во-вторых, сок отравляет и убивает вокруг семечек все сорняки.

– Предупреждение, – продолжал компьютер – плоды дерева пессинит высокотоксичны для всех представителей кислорододышающих теплокровных форм жизни, так же как и для нативных обитателей Этлы. Плоды использовали на предмет возможного их применения в медицине, но успеха не добились. Два кубических сантиметра сока, поглощенного существом средней массы тела, такими, как взрослые орлигиане, кельгиане и земляне, вызывают быструю потерю сознания и смерть в течение одного стандартного часа. Три кубических сантиметра сока способны оказать такое же действие на худлярианина или тралтана. Действие яда необратимо. На сегодняшний день не найдено противоядия..."

– Благодарю, библиотека, – сказал Брейтвейт и прервал излияния компьютера. Голос его прозвучал спокойно, лицо осталось бесстрастным, но по клавише прерывания связи он ударил с такой силой, словно бил злейшего врага. Лейтенант довольно долго смотрел на Хьюлитта, не произнося ни слова. Хьюлитт мысленно твердил себе: «Ну, вот сейчас все начнется снова. Сейчас еще один медик примется убеждать меня в том, что я все выдумал». Однако когда психолог заговорил, в его голосе звучало скорее любопытство, нежели недоверие.

– Несколько капель сока плода дерева пессинит способны убить взрослого человека, – спокойно проговорил Брейтвейт, – а вы были четырехлетним ребенком и высосали весь сок из плода. Вы можете это объяснить, пациент Хьюлитт?

– Вы же сами понимаете, что не могу.

– И я не могу, – проворчал лейтенант.

Хьюлитт вздохнул поглубже и медленно выдохнул. Собравшись с силами, он сказал:

– Я с вами беседовал больше четырех часов, лейтенант. Уж наверное, вы могли бы понять, ипохондрик я или нет. Скажите мне это и будьте честны. Вежливость тут неуместна.

– Постараюсь быть честным и вежливым одновременно. – Психолог на секунду задумался, как бы собираясь с силами. – Случай у вас непростой. В вашем детстве происходили случаи, которые вполне могли сказаться на вашей последующей жизни, но пока мне не удалось обнаружить у вас долговременных нарушений психики. Ваша личность представляется мне уравновешенной, уровень вашего интеллекта превышает средний.

Кроме того, вы, похоже, постепенно избавляетесь от первичной ксенофобии. Помимо повышенной возбудимости и необходимости непрерывно защищаться из-за того, что вам никто не верит, я пока не нахожу у вас ничего особенного...

– Пока? – уточнил Хьюлитт. – Не хотите ли сказать, что вы мне поверили?

Брейтвейт на этот вопрос не ответил. Он продолжал:

– Поведение ваше не характерно для ипохондрика. Нам известно, что ипохондрики склонны выдумывать симптомы болезней по причинам психологического свойства – например, из желания привлечь к себе внимание или вызвать сочувствие, а иногда – для того чтобы уйти от глубоко спрятанной медицинской проблемы, уйти от события, с которым ипохондрик не хочет сталкиваться и защититься от которого может только болезнью. Если имеет место последний вариант и если вам удавалось это скрывать от себя на протяжении всей жизни, а от меня удалось скрыть на протяжении четырехчасовой беседы, значит, что-то было в вашей жизни ужасное, о чем вы себя заставили забыть. Между тем не могу поверить, что вы от меня скрываете что-либо подобное. Но точно так же я не могу поверить в то, что вы съели целиком плод дерева пессинит или упали с такого дерева. Если бы все было так, то вам бы не просто несказанно повезло – нет, это было бы настоящее чудо!

Довольно долго Брейтвейт не мигая смотрел на Хьюлитта, после чего добавил:

– Медиков не устраивают чудеса. Меня тоже. По чудесам у нас специализируется Лиорен. Но даже наш уважаемый падре считает, что нынешние медицинские достижения – превыше любых чудес. А вы верите в чудеса?

– Нет, – твердо проговорил Хьюлитт. – Я никогда ни во что не верил.

– Ладно, – кивнул Брейтвейт. – Хотя бы один психологический момент можно сбросить со счетов. Но нужно бы сбросить и еще один – а именно, проявившуюся у вас в раннем возрасте ксенофобию. Она могла быть спровоцирована каким-либо столкновением с настолько страшным инопланетянином, что вам не хочется об этом вспоминать. Мне необходимо провести тест.

– А я имею право от него отказаться? – полюбопытствовал Хьюлитт.

– Вы должны понять, – заметил Брейтвейт, по обыкновению игнорируя вопрос пациента, – что у нас не психиатрическая лечебница. Наше отделение отвечает за психологическое здоровье сотрудников, принадлежащих к шестидесяти различным классификациям. Нам работы и так за глаза хватает – следить за тем, чтобы вся эта орава не передралась и жила без забот. Тест поможет мне решить, то ли вернуть вас Медалонту для дальнейшего медицинского обследования, то ли порекомендовать перевести вас в какую-нибудь психиатрическую лечебницу.

Хьюлитт почувствовал, как в нем опять закипает злость, обида и отчаяние. От ведущего госпиталя Галактической Федерации он ожидал большего. С горечью в голосе он спросил:

– Что вы собираетесь со мной делать?

– Этого я вам сказать не могу, – ответил Брейтвейт и улыбнулся. – Скажу только, что тест принесет вам некоторые неудобства. Вашей жизни не будет грозить опасность, но стресс предстоит немалый. Я же попытаюсь все держать под контролем.

Глава 9

«Это страшный сон. Мне снится страшный сон», – твердил себе Хьюлитт, борясь с нестерпимым желанием спрятаться под одеяло. «Сейчас я проснусь, – думал он, – и все это пропадет». Но вот беда – он, оказывается, не спал. Их было пятнадцать. Они шлепали, топали и ползли друг за другом по палате. С чувством неизбежности Хьюлитт понял: они направляются к его кровати. Три члена процессии были ему знакомы. Сестра-худлярианка, лейтенант Брейтвейт и Старший врач Медалонт. Речевая мембрана медсестры не шевелилась, психолог молча ободрительно улыбался. Молчали и все остальные. Тишину нарушил Медалонт.

– Как вам, вероятно, уже известно, пациент Хьюлитт, – проговорил он, – Главный Госпиталь Сектора, помимо всего прочего, еще и учебное заведение. Это означает, что в любое время в состав персонала входит определенное число практикантов, которые надеются в один прекрасный день получить квалификацию межпланетных врачей или медсестер и затем смогут практиковать здесь или получить должность медиков при бригадах космического строительства. В течение долгого времени, предшествующего этим событиям, практикантам приходится набираться опыта в области разнородной физиологии. Как раз это сейчас и будет происходить. Вы не обязаны соглашаться на то, чтобы вас физически обследовали практиканты, но большинство наших пациентов охотно идут на это, понимая, что при этом преследуются их же интересы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.